

ロシア語訳 壺井栄『二十四の瞳』

チロ基金・日本文化情報センター代表 辰巳 雅子

「水源地」第3号にて、ベラルーシにある日本文化文化情報センターの活動を紹介する機会を得ることができた。弊センター日本語教室の生徒とミンスク外国語大学の学生、合わせて二十五名が手分けして壺井栄の六作品をロシア語に翻訳し、仙台で今は亡き赤間悟氏の手により初版を印刷したことを書いたが、その後ミンスクで第二版を出版することができた。

第3号がこの世に出てから、第二版が出版されるまでのおよそ五ヶ月の間に世界がこれほど変わってしまうとは想像していなかった。ロシアのウクライナ侵攻によって、新しい社会問題、経済の混乱、精神的な打撃がベラルーシに広がった。ウクライナのように空襲警報が鳴り響いているわけではないが、すでに戦時下に置かれた心境でベラルーシ人は日々過ごしている。このような状況下、つまり戦中の時代に突入したベラルーシで『二十四の瞳』のような有名な反戦文学を広めるのは難しいものがある。しかし、第二次世界大戦中、国民の三人に一人が死んだと言われ、もともと戦争を忌避する意識が強いベラルーシでは反戦文学が多く書かれ、世代を問わずよく読まれている。

チロ基金の自費出版という形でミンスクでも出版することができた本書だが、物価高騰のため百部しか印刷できなかった。少しずつだがベラルーシ国内の図書館に寄贈を続けており、現在進行形で戦争が進む今、一人でも多くのベラルーシ人の目に触れてほしいと願っている。

そして、この度「水源地」編集部の御厚意により、収録作品のうち『二十四の瞳』の一部を掲載できることとなった。インターネットを通してより多くのロシア語読者に読んでもらえる。

原作者である壺井栄も戦後になって書けるようになった内容と言われる『二十四の瞳』がロシア語に翻訳され、ロシアが始めた新しい戦争の最中に読まれるようになるろうとは、この作品の持つ運命なのだろうか。

一日も早く新たな「戦後」の時代が始まることを祈る気持ちでベラルーシ人翻訳者は転載許可を出してくれた。

翻訳に携わったベラルーシ人一同に代わり、このような機会を与えてくださった「水源地」編集部に深く感謝の意を表したい。

Сакаэ Цубои

壺井栄

Двенадцать пар глаз

二十四の瞳

Глава первая

第一章

Перевод с японского: Василина Медюлянова

翻訳 ワシリナ・ミエジュリヤナワ

Учительница Камешек

小石先生

Японская поговорка гласит: «Десяток лет – одна единица вечности». И вот наша история началась две с половиной вечности назад... В 1925 году в Японии произошло важное изменение в общественной жизни страны: все мужчины, независимо от материального положения и происхождения, были допущены к голосованию. В феврале 1928 года были проведены первые всеобщие выборы по новым правилам. 4 апреля 1928 года, через два месяца после выборов, в глухую деревню у Внутреннего Японского моря, живущую сельским хозяйством да рыбным промыслом, к месту своего назначения прибыла новая учительница.

Деревня Мисаки, насчитывающая чуть более ста дворов, расположилась на самой дальней части продолговатого мыса, придававшего морскому заливу форму озера. Чтобы добраться в город или деревню на противоположном берегу, нужно было либо брать лодку, либо долго петлять по извилистой тропке в холмах. Из-за таких неудобств дети до пятого класса ходили в местный филиал школы, который находится в центральном посёлке, а старшеклассники же шли в общую школу в пяти километрах. Одной пары дзори – соломенных самодельных сандалий – хватало лишь на один поход в школу и обратно, что, впрочем, никого не расстраивало, ведь так приятно каждое утро брать с полки новую пару обуви. Начиная с пятого класса, каждый делал себе дзори сам. Для этого в воскресенье все собирались, чтобы заниматься плетением, но не одному, а весёлой компанией у кого-нибудь дома. Младшие наблюдали за процессом с завистью и незаметно сами приобщались к навыку плетения. Для них переход в пятый класс был порогом к независимости и самостоятельности. Но и в филиале школы в деревне Мисаки тоже было интересно.

Так повелось, что учителей неизменно было двое: как правило, пожилой мужчина и молоденькая женщина. Такой порядок установился очень давно и уже вошёл в традицию. Учитель жил в сторожке в школьном кабинете рядом с учительской, а учительнице же предстоял долгий путь из другого места. Учитель отвечал за третий и четвёртый классы, а учительница вела общие

уроки в первом и втором, а ещё уроки пения, кройки и шитья у девочек четвёртого класса. Такое распределение обязанностей тоже сложилось давно. Ученики при обращении к своим наставникам имён их не называли, а говорили «учитель-мужчина» или «учительница-женщина». В отличие от пожилых учителей, которые коротали свой век в филиале школы в ожидании долгожданной пенсии, молодые выпускницы задерживались здесь совсем ненадолго – год, от силы два, а потом переводились в какое-нибудь другое место. Да и в народе говорили, что кому ещё ехать в такую глухую деревню на краю мыса, как не почтенному старику-учителю, которого повышение до директора школы обошло стороной, да девушке-практикантке на первое своё нелёгкое испытание. Правда это или только слухи – никто толком не знал, но, в общем, на правду было похоже.

Итак, вернёмся к 4 апреля 1928 года. В то утро новоиспечённым пятиклассникам предстоял долгий путь в общую школу. Каждый старшеклассник радовался, что его перевели в старший класс, и потому всем шагалось бодро и легко. В школьных ранцах старые учебники сменились новыми. И в новом классе их ждёт много новых учителей. Оттого даже привычная дорога ощущалась по-новому. И сегодня по дороге им предстояло встретить свою новую учительницу-женщину, которая будет работать в филиале в Мисаки.

– Какая же следующая училка? – специально пренебрежительно обсуждали между собой мальчики из первого и второго классов средней школы.

– Ещё одна из женской школы.

– Совсем зелёная, видно, только закончила.

– Точно-точно, совсем неопытная.

– В нашу-то дыру всегда никчёмных и посылают.

– Ага, думают, раз уж глухомань, то и такая сойдёт.

Из-за того, что новенькие, как правило, не заканчивали педагогической школы, а были лишь помощницами преподавателя после женской школы (сейчас, кажется, это называется «помощник учителя»), злые языки называли их никчёмными. Другие старшеклассники, думая, что это добавляет им взрослости, тоже повторяли обидные слова, но уже без злобы. А пятиклассники, которые сегодня впервые пошли в общую школу, лишь смущённо слушали и молча просто моргали. Но, когда вдали показалась приближающаяся фигура, они первыми завопили: «Смотрите! Учительница-женщина!»

Но то была их прежняя учительница Кобаяси. Обычно она просто быстро пробежала мимо, останавливаясь только для ответного поклона. Но сегодня она задержалась подольше, чтобы ещё раз посмотреть на милые сердцу лица.

– Сегодня мы с вами расстаёмся и больше никогда не встретимся на этой дороге. Желаю вам всем хорошо учиться.

От этих слов одна девочка даже прослезилась. Кобаяси была первой, нарушившей давнюю традицию. Когда-то она пришла на место заболевшей предшественницы и целых три с половиной года не покидала деревню на мысе. Поэтому все, повстречавшиеся ей сегодня, уже какое-то время у неё учились. Новость о замене учителя, как правило, становится известной школьникам

только в первый день учебного года. Но Кобаяси, нарушив негласное правило, сообщила об этом своим ученикам 25 марта – на десять дней раньше обычного. Это было на том же самом месте, где она сейчас стояла. В тот день она возвращалась с линейки из общей школы. Поделившись новостью, она сказала всем напутственные слова и подарила по коробочке карамелек. Вот почему все именно сегодня ожидали появления новой учительницы вместо Кобаяси. Она же хотела отдельно попрощаться с младшими, которые остаются в филиале школы.

– Сэнсэй, а кто у нас будет новой учительницей?

– Ну, скоро увидите.

– А какая она?

– Ещё не знаю.

– Снова из женской школы? Совсем недавно закончила?

– Правда, я не знаю, но старайтесь её не обижать! – смеялась Кобаяси.

Кобаяси сама когда-то в первый год работы рыдала на глазах у своих учеников. Но сегодня здесь не было тех, кто доводил её до слёз. Перед ней стояли их младшие братья и сёстры. Хотя и они наверняка знали о том, как плакала когда-то приехавшая в деревню на мысе молодая учительница, доведённая до отчаяния в непривычной обстановке. Эта история ходила по школе как легенда.

Детям было любопытно, ведь с Кобаяси они проучились целых четыре учебных года и никого другого не видели. Попрощавшись с ней, дети снова стали всматриваться вдаль в ожидании новой учительницы-женщины, продумывая новую шалость.

– Давайте все вместе кричать «Батата»!

– А что, если она не Батата?

– Нет, она точно Батата.

К Кобаяси когда-то прилепилось прозвище Батата. Дело в том, что эта местность как нельзя лучше подходила для выращивания батата, и прямо посреди бататовых полей располагалась женская школа. Дети решили, что новая учительница-женщина, как и Кобаяси, выпускница этой школы. На каждом следующем повороте они пристально смотрели вдаль: не идёт ли она, не видна ли. Но её так и не было видно, а они между тем уже вышли на широкую трассу, ведущую к центральному посёлку. Тут они уже и позабыли об учительнице-женщине и просто быстро шагали. Большие настенные часы придорожной гостиницы показывали более позднее время, чем обычно: на десять минут больше. Но часы шли правильно. Просто дети задержались из-за разговора с Кобаяси. За плечами мерно в такт шагам грохотали ранцы. Дети бежали, поднимая клубы пыли.

По дороге домой в тот день они снова вспомнили о новой учительнице-женщине, когда с широкой трассы свернули к горной тропе, ведущей к мысу. Но дети опять увидели Кобаяси, которая делала странные движения руками в развевающихся на ветру рукавах кимоно.

«Сэнсэй! Сэнсэй!» – девочки бросились ей навстречу. Когда улыбающееся лицо Кобаяси приблизилось настолько, что стало хорошо различимым, все

засмеялись. Оказывается, она руками тянула «воображаемую верёвку», пытаясь «притянуть» детей к себе. Кобаяси очень правдоподобно перебирала её руками. Она делала это до тех пор, пока все дети не стали к ней вплотную.

– Сэнсэй, а новая учительница-женщина уже приехала?

– Да, а что?

– Она ещё в школе?

– А-а, она сегодня приплыла на лодке.

– Хм, она и уплыла на ней?

– Да, она предлагала мне поехать с ней, но мне ещё разочек захотелось увидеть ваши лица, поэтому я отказалась.

– Ура! – радостно зашумели девочки. Мальчишки только молча ухмылялись.

Потом один из них спросил:

– А какая она, новая учительница-женщина?

– По-моему, она очень добрая и милая, – Кобаяси, вспомнив её лицо, будто точно так же улыбнулась.

– Батата?

– Нет. Она очень образованная.

– Но ведь она новенькая?

При этих словах лицо Кобаяси стало серьёзным:

– Зачем так говорить? Вначале все новички. Опытных сразу не бывает. Или вы и её собираетесь до слёз доводить, как и меня когда-то?

Под её пронзительным взглядом некоторые отводили глаза. Когда Кобаяси впервые появилась в филиале школы в Мисаки, ученики специально выстраивались в шеренгу и, кланяясь ей, кричали «Батата», рассматривали её так пристально, словно глазами пытались просверлить на ней дырку, гримасничали, в общем, всячески старались её унизить. Но, что бы они ни придумывали, Кобаяси привыкла к этому в течение трёх с половиной лет. И наоборот сама первой протягивала руку детям, смеялась и шутила. Если по дороге в пять километров ничего не происходило, то ей самой становилось скучно. Немного погодя один из учеников снова спросил:

– А как её зовут, учительницу-женщину?

– Её зовут Оиси. Хотя её фамилия значит «большой камень», она очень маленькая ростом, мне по плечо. А я хоть и Кобаяси¹, зато ростом с каланчу.

– Ух ты!

Дети весело загудели, но Кобаяси вновь стала строгой:

– Она образованнее всех наших учительниц. Никчёмной, как меня, её вы не назовете.

– Интересно, она будет добираться на лодке?

Понимая, почему этот вопрос вызывал такое большое любопытство, Кобаяси, снова приняв грозный вид, ответила:

– На лодке – только сегодня. А с завтрашнего дня – сами увидите. Только плакать она не будет. Я ей всё как следует объяснила. Я ей сказала, что по пути она может встретить учеников общей школы. Начнут проказничать – нужно представить, что шалют маленькие обезьянки, а если начнут дразнить, то это всё равно, что вороны каркают.

– Ух ты! Ну и ну!

Все разом засмеялись. На этом они расстались.

– Сэнсэй! Невеста! До свидания! – кричали дети до тех пор, пока фигура Кобаяси не скрылась за следующим поворотом. Все знали, что Кобаяси уходит из школы из-за замужества.

– До свидания! – сказала она в последний раз, обернувшись. Потом помахала рукой и скрылась. Сердца детей охватила странная, неведомая тоска. Они шли медленно, еле волоча ноги, к тому же сказывалась накопившаяся за целый день усталость.

Тем временем в деревне уже пошли слухи:

– Новая учительница-женщина носит модную одежду, – говорил кто-то.

– Она не похожа на Батату. Она совсем маленькая, – обсуждали другие.

И вот наступил следующий день. Для маленькой, образованной учительницы дети уже выдумали шалость и с замиранием сердца ждали возможности её осуществить.

Маленькие озорники украдкой шагали по дороге и тихонько перешёптывались, как вдруг были застигнуты врасплох. Этому так же поспособствовало и место – они как раз подходили к повороту, из-за которого ничего не было видно. На дороге вдруг показался редкий для этих мест велосипед. Он мчался быстро и легко, словно птица. Дети и подумать ничего не успели, как велосипед пролетел мимо них. На нём они увидели девушку в западной одежде, которая приятно улыбнулась, сказала им:

– Доброе утро! – и лёгким ветерком умчалась дальше. Вне всякого сомнения, это была новая учительница-женщина. Все думали, что она будет ходить пешком, а оказывается, у неё велосипед. Учительница-женщина на велосипеде, да ещё в модной одежде – это что-то новенькое. К тому же она первая поздоровалась с ними. Дети, ещё некоторое время оставаясь в растерянности, провожали взглядом удаляющуюся фигуру. Это было их полное поражение. Ситуация в корне отличалась от тех событий, которые происходили с прежними новыми учительницами. Они поняли, что простой шалостью её до слёз не доведёшь.

Мальчишки судачили:

– Круто.

– Женщина, а на велосипеде.

– Какая самоуверенная.

У девчонок тоже было, что обсудить по-девичьи.

– Вот это модница! – говорили одни.

– Но у модниц сзади волосы подстрижены, как у мужчин, – говорили другие, двумя пальцами изображая ножницы и прикладывая их к затылку, – а у этой волосы длинные и причёсаны как следует.

– Но одежда у неё западная!

– А может она дочка хозяина велосипедного магазина? Поэтому у неё такой красивый велосипед. Да, и он прямо сверкает!

– Вот бы нам прокатиться! Да, по этой дороге! Вот было бы здорово! – наперебой верещали девчонки.

Что ни говори, а против велосипеда не поспоришь. Дети были ошеломлены, словно повергнутые броском через спину. Каждый из них старался придумать какой-нибудь новый приём, чтобы обыграть соперника, но ничего путного в голову пока не приходило. В раздумьях они молча сошли с дороги, ведущей на мыс. Настенные часы на входе в придорожную гостиницу сегодня снова «спешили» на восемь минут. Тишину нарушали лишь грохочущие за плечами и на боках школьные ранцы. За ними от ходьбы по сухой дороге оставались клубы пыли.

Тем временем в деревне на мысе поднялся переполох. Местные хозяйки, именно сегодня ожидавшие появления новой учительницы, узнали, что она вчера приплыла в деревню и вернулась домой на лодке, пока никто не видел. Они ведь так хотели посмотреть на женщину в современной одежде и на то, с каким видом она пройдёт по деревне. Раньше всех караулила дорогу Пограничница – хозяйка лавки мелочей, получившая такое прозвище за то, что её дом стоял первым на въезде в деревню Мисаки, и поэтому она считала, что у неё есть право всегда первой видеть тех, кто приходит в деревню. С самого раннего утра она поглядывала на улицу. «Долго не было дождя. Надо бы землю полить, заодно и учительницу встретить», – подумала хозяйка, выходя на улицу с ведром. Но она и ахнуть не успела, как мимо неё промчался велосипед, а девушка, сидя на нём, кивнула головой хозяйке, крикнула:

– Доброе утро! – и полетела дальше.

– Доброе утро, – запоздало ответила ей Пограничница, когда велосипед уже скрылся за поворотом уклона. В полной растерянности она помчалась в соседний двор к жене плотника, которая замачивала бельё у колодца, и прокричала:

– Слушай! Тут только что одна разодетая в западную одежду проехала на велосипеде! Она же учительница-женщина?

– Да? В белой рубашке с чёрным пиджаком? Как у мужчин?

– Да, именно!

– И на велосипеде? – позабыв о белье, не унималась жена плотника. Вчера она вместе со своей старшей дочерью Мацуэ ходила на первый звонок.

– Ага! Мир совсем с ума сошёл. Учительница-женщина на велосипеде! – говорила лавочница с беспокойством в голосе, – Про неё будут говорить, что она резкая! – закончила та, окончательно решив, что новая учительница точно какая-то легкомысленная.

От лавки мелочей до филиала школы на велосипеде две-три минуты езды. Слухи об учительнице-женщине разлетелись по деревне за пятнадцать минут, после того, как та проехала мимо. Полсотни учеников, обступив велосипед, стоявший у входа в учительскую, галдели, как воробьи перед дракой. Но стоило девушке к ним подойти и попытаться заговорить, они сразу же разбежались в разные стороны. Вернувшись в учительскую, Оиси застала там единственного своего коллегу-учителя, который стоял молча, с подчёркнуто неприветливым выражением лица, означающим, что с ним лучше не заговаривать. Он пристально рассматривал какие-то документы, уткнувшись в ящик с учебными материалами. Инструкции по ведению уроков и прочие наставления были даны

Оиси ещё вчера, при передаче дел от Кобаяси, поэтому общих тем для разговора не было. Но и причиной холодного молчания это тоже не могло стать. Оиси была недовольна.

Но учитель-мужчина как раз размышлял именно о ней: «Как же себя вести? Одно дело – жалкая выпускница женской школы на бататовых полях, и совсем другое – квалифицированный специалист после педагогической школы. Хотя она и маленькая, но не скажешь, что глупая. Сможем ли мы найти общий язык? Вчера пришла, одевшись на западный манер. Показала себя модницей. А сегодня так и вообще на велосипеде прикатила. Как быть? Почему именно в этом году на мыс прислали первоклассного специалиста? Куда смотрел директор школы?» – тревожно думал учитель-мужчина.

Ведь ему, сыну крестьянина, потребовалось десять лет, чтобы сдать на квалификацию, и только пять лет назад он стал, наконец, полноправным педагогом. Учитель-мужчина представлял собой образец скромного трудяги. Из западной одежды у него был единственный строгий костюм чёрного цвета, который полинял на плечах и оттого превратился в цвет пастиллы-ёкана. Детей у него не было. Жил он вдвоём со своей пожилой женой, на всём экономя. Единственной радостью жизни в этой семье были заготовки на зиму. В нелюбимую всеми деревню на мысе он приехал по собственному желанию, рассчитывая, что здесь он сможет держаться в стороне от людей. Он ходил всегда в гэта, туфли надевал только по особым случаям, например, когда собирался на педсовет в главный корпус школы. А на велосипед вообще ни разу в жизни не садился. Но в деревне его любили, и поэтому недостатка в рыбе и овощах он не испытывал. Не чуждаясь, он ел с местными жителями одинаковую еду, говорил на их языке и работал с грязью. Поэтому новая коллега со своей модной одеждой и велосипедом нарушила его душевное спокойствие.

Но девушка этого не знала. Кобаяси рассказала ей лишь о шалостях старшеклассников, а о своём коллеге только прошептала: «Он немного странный. Не обращай внимания», – и всё. Но самым неприятным была не странность коллеги, а, как ей казалось, неприязненное к ней отношение, хотя она всего лишь второй день в филиале школы. Поделаться с этим она ничего не могла, лишь только тяжело вздохнула и попыталась отвлечься. Полное имя девушки было Оиси Хисако. Родилась она на другом берегу залива, в деревне с высокой и одиноко стоящей сосной – Иппонмацу. Если посмотреть из деревни Мисаки на деревню учительницы Оиси, то эта сосна похожа на маленькое дерево бонсай. Рядом с сосной стоит домик, где живёт мать, переживающая за свою дочь. При мысли об этом тело маленькой учительницы с большой фамилией невольно сжалось, и из глубины сердца вырвалось: «Мама!»

«Очень жаль, что мыс так далеко. Но выдержи хотя бы год. А там вернёшься в общую школу. Трудности работы в далёком филиале школы лучше пройти в начале пути», – говорил ей директор школы, друг покойного отца. Оиси запаслась терпением на один год и прибыла в деревню на мысе. Пешком ходить было очень далеко, ей советовали снять комнату прямо в деревне Мисаки. Но жить с матерью – для неё единственное утешение, поэтому, пресытившись

разлукой за два года учёбы в педагогической школе, Оиси решила ездить в филиал школы на велосипеде, поскольку дорога занимала восемь километров только в одну сторону. Велосипед достался Хисако в рассрочку на пять месяцев благодаря дружбе с дочкой хозяина велосипедного магазина. Кимоно у неё не было, поэтому она взяла старое кимоно своей матери и, выкрасив его в чёрный цвет, сшила себе костюм для работы, хотя хорошо шить девушка не умела. Жители деревни Мисаки об этом не знали, поэтому и приняли её за модницу на велосипеде. Выборы 1928 года обошли деревню на мысе стороной, как, впрочем, и вся общественная жизнь страны. Молодая женщина на новом сверкающем велосипеде, в опрятном чёрном чистом костюме, сшитом вручную, в белоснежной блузке, что было в деревне невероятной роскошью, казалась им человеком из другого мира. Эту дистанцию предстояло ещё преодолеть. Оиси, которая была здесь всего лишь второй день, не понимала этого. Она лишь ощущала тоску, подобную той, что чувствует человек, оказавшийся в чужой стране, где он не понимает ни единого слова. Девушка стояла и смотрела вдаль, где рядом с одинокой сосной был её дом.

Тук-тук-тук-тук!

Оиси вздрогнула, когда рядом самый старший четвероклассник, избранный вчера старостой класса, вытягиваясь на цыпочках, зазвенел колотушкой. Пора начинать школьную линейку. Во дворе она увидела детей, среди которых много было и первоклассников, только-только вышедших из-под полной опеки родителей. Они переминались с ноги на ногу, стараясь сохранять суровый вид, но при этом едва скрывая беспокойство. Третьи и четвёртые классы зашли внутрь первыми. Оиси стояла лицом к детям, хлопая в ладоши и маршируя на месте, подбадривая тем самым шагающих в такт хлопков детишек, и пошла спиной. Тут у неё даже немного отлегло от сердца: она была на своём месте, она знала, что делать. Взяв в руки классный журнал и не выходя из-за стола, Оиси начала урок:

– Итак, сейчас я буду называть ваши имена, а вы будете откликаться, хорошо? Окада Исокити-кун!

Ученики были рассажены по росту, и малыш Окада Исокити сидел в самом первом ряду. Но ответ застрял у него в горле, ведь его не только назвали первым, да ещё добавили к имени уважительное «-кун».

– Его что, нет сегодня? – спросила после паузы Оиси.

Сидевший на самой задней парте рослый мальчик, окинув класс взглядом, громким голосом выкрикнул:

– Есть!

– В таком случае, Окада Исокити-кун, надо ответить «я», – сказала Оиси, посмотрев на отозвавшегося. Второклассники засмеялись, а настоящий Окада Исокити в растерянности встал.

– Сонки, ответь! – шепнула ему второклассница, с очень похожими чертами лица. По-видимому, его сестра.

– Так все зовут тебя Сонки? – уточнила учительница, и все дружно закивали

– Раз так, то я буду называть тебя Сонки-сан.

Все снова засмеялись. Оиси, тоже улыбаясь, пометила себе в журнале это прозвище карандашом.

– Так, дальше. Такэсита Такэити-кун!

– Я! – отозвался ученик, производящий впечатление умного мальчика.

– Молодец, чётко ответил! Следующий: Токуда Китидзи-кун!

Китидзи сделал вдох и собирался было ответить, но мальчик, отозвавшийся вместо малыша Исокити, с самодовольным видом раньше него выкрикнул:

– Киттин!

Когда называли Мориока Тадаси, он, подбадриваемый общим смехом, выкрикнул:

– Танко!

– Аидзава Нита-кун! – дошла, наконец, очередь до него самого.

– Я! – крикнул он ещё громче.

Учительница, глядя на весёлые лица, немного укоризненно сказала:

– Аидзава Нита-кун у нас немного забияка, да? И голос слишком громкий.

Но в следующий раз тот, кого я назову, пусть сам чётко ответит. Кавамото Мацуэ-сан!

– Я! – отозвалась девочка.

– Как тебя обычно называют?

– Мац-тян.

– Так твой папа плотник?

Мацуэ кивнула.

– Нисигути Мисако-сан.

– Я! – отозвалась ещё одна девочка.

– А тебя все называют, наверное, Миса-тян?

Девочка, наклонив голову, тихо ответила:

– Нет, Ми-сан.

– Ну, значит, Ми-сан. Очень красиво. Следующая, Кагава Масуно-сан!

– Угу! – прозвучало в ответ.

– «Угу» звучит не очень, давай лучше будем говорить «я», хорошо, Масуно-сан? – сдержанным голосом сказала Оиси, подавив улыбку. Тут везде сующий свой нос Нита снова вставил: «Ма-тян!» Но она не подала виду.

Одну за другой называла она фамилии:

– Киносита Фудзико-сан!

– Я!

– Ямаиси Санаэ-сан!

– Я!

Каждого отозвавшегося она одаривала улыбкой.

– Кабэ Коцуру-сан!

Класс взорвался хохотом. Оиси сначала не поняла, что случилось. Потом, когда до неё дошло, почему все смеются, и что это было ещё забавней, чем «угу» от Кагава Масуно, она тоже усмехнулась. Все повторяли: «Кабэ Коцуру² – головой о стену, Кабэ Коцуру – головой о стену!»

Стойкая Кабэ Коцуру не расплакалась, а лишь, покраснев, опустила голову. Вскоре все угомонились, и последний ученик по имени Катагири Котоэ занял своё место, но время урока в сорок пять минут вышло.

Каждая из местных семей имела своё основное ремесло. Кабэ Коцуру была дочерью разносчика, который, прицепив колокольчик к поясу, бегал по разным поручениям. Киносита Фудзико – из благородной семьи. Ответившая «Угу!» Масуно была дочерью хозяина ресторана. В доме Сонки изготавливали тофу. Танко – сын владельца сетей для ловли рыбы. В свободное от основной работы время все семьи занимались сельским хозяйством, рыболовством. Тот же уклад был и в деревне Оиси. Сельчане проводили жизнь в труде, дорожа каждой минутой, и работа была им не страшна.

А их дети, выучив в школе только цифру 1, после возвращения сразу же становились няньками, помогали шлифовать зерно пшеницы, ходили вытягивать невод. Оиси, размышляя о детях из небогатой деревушки, в жизни которой нет иного смысла кроме работы, устыдилась тоски по своей матери у Иппонмацу.

Перед ней стояли глаза двенадцати её первоклассников, которые собрались в одном месте сегодня. Каждая пара глаз сияла по-особенному.

К чему омрачать эти невинные взгляды?

В тот день бойкая молодая учительница, воодушевленно крутившая педали на своем восьмикилометровом пути домой, показалась жителям деревни ещё более ветреной, нежели утром.

«До свидания! До свидания! До свидания!» – говорила она всем, кто встречался ей на пути. Но редко слышала она что-то в ответ. Лишь некоторые молча кивали ей в ответ. Вслед уже звучали недовольные голоса:

– Говорят, она даже прозвища себе в классном журнале записала!

– И сказала, что Ми-сан из семьи Нисигути звучит красиво.

– Уже, гляди, любимчиков себе выбрала.

– Может быть, родители Нисигути чем-то её угощают. Они ведь торговцы.

Но ни о чём не подозревая, маленькая Оиси легко ехала на велосипеде. Она нагнулась вперёд и прибавила скорости у склона на краю деревни, чтобы хоть немного пораньше вернуться домой и поделиться с матерью своими чувствами. Подъём был совсем не крутой: если идти пешком, его можно и не почувствовать. Когда она ехала в филиал школы по этой дороге, то с лёгкостью проскочила его. На обратном же пути ей стало тяжелее подниматься. Но Оиси было спокойно на душе, она была даже благодарна тому, что дорога была трудна после уроков со своими учениками.

Вскоре, когда она выехала на ровную дорогу, ей повстречалась группа школьников, которых она уже видела утром. Они тоже возвращались домой.

«Большой камень, маленький камешек, большой камень, маленький камешек!» – далеко разносились голоса целой гурьбы пристроившихся к велосипеду детей. Когда Оиси поняла, что это о ней, она и сама засмеялась. Теперь это её новое прозвище. Ведь значение её фамилии – «большой камень» – никак не соответствовало её маленькому телосложению, а «камешек» –

получалось в самый раз. Специально позвонив в велосипедный звонок, она громко крикнула: «До свидания!»

Старшеклассники радостно закричали: «Большой камень, маленький камешек!» – голоса детей затихли позади.

В первый день нового учебного года кроме учительницы-женщины родился и новый учитель – учительница Камешек, поскольку она была маленькая и худенькая. Яркие блики заходящего солнца отражались на раме велосипеда учительницы Камешек, и она ехала дальше по дороге у мыса.

Комментария
Глава первая

¹ Японская фамилия «Кобаяси» – в пер. с яп. маленький лес.

² Фамилия и имя «Кабэ Коцуру» звучат, как «головой о стену».

Глава вторая 第二章

Перевод с японского: Екатерина Шода

翻訳 エカテリーナ・シヨータ

Волшебный мост 魔法の橋

До самой выступающей части острова вёл четырехкилометровый продолговатый мыс, внутри которого, в самой середине, таилась небольшая деревушка. Ведущая к заливу белоснежная дорога, проходя сквозь эту маленькую деревушку, пересекала мыс и вскоре простиралась уже вдоль открытого моря. Открывая морские пейзажи, эта дорога вела к филиалу школы в деревне Мисаки, где работала учительница Камешек. Эту дорогу вдоль открытого моря ей приходилось преодолевать до филиала и обратно, по пути встречаясь со старшеклассниками, которые ходят в главный корпус школы. Это стало своеобразным ежедневным обычаем, и если бы они встретились по дороге в другом месте, кому-то из них пришлось бы поторопиться.

– А-а, вот и учительница Камешек!

В большинстве случаев ученики ускоряли шаг, но иногда и учительница находила глазами издалека виднеющихся на дороге вдоль залива фигурки учеников и нажимала на педали всё сильнее и сильнее. В эти минуты старшеклассники были очень рады увидеть её. Они подшучивали над учительницей, которая ехала вся покрасневшись.

– Ага, учительница, а всё-таки опоздала!

– Пусть ей урежут жалованье!

Затем, нарочно выбегая перед велосипедом, дети преграждали ей дорогу. В дни, когда такое повторялось, учительница, едва переступив порог своего дома, сразу жаловалась маме.

– Хоть они и дети, а сказали, что мне нужно урезать жалованье. Словно им нравится считать чужие деньги. Так неприятно.

А мама в это время улыбалась в ответ.

– Послушай, кто о таком вообще задумывается? Всё же, знаешь, это всего на один год. Потерпи немного, потерпи.

Но учительница Оиси не испытывала таких сильных душевных страданий, чтобы ей необходимо было утешение. К тому времени, когда девушка уже совсем привыкла,

восьмикилометровый путь, который она преодолевала рано утром на своём велосипеде, становился неожиданно приятным. Она проезжала вдоль мыса, набирая скорость, и всякий раз соревновалась со старшеклассниками. И её радостное волнение эхом отдавалось в сердцах учеников, и они бежали всё быстрее. Это было подобно игре на качелях: когда сперва толкаешь ты, а потом толкают тебя. И когда прошёл последний день первого триместра, вернувшись с общей школы, учитель-мужчина услышал кое-что интересное: в первом триместре ученики, проживающие в деревне Мисаки, ни разу не опоздали. Все понимали трудность посещения школы, путь до которой составлял пять километров только в одну сторону, и с давних пор на опоздания детей из Мисаки смотрели снисходительно. И если случалось, что никто ни разу не опаздывал, то за такое нельзя было не похвалить. Конечно же, всех похвалили. К тому же, учитель-мужчина считал это своей заслугой и был тому несказанно рад.

– Что ни говори, а всё это потому, что среди учеников этого года есть одна умная ученица.

«Среди учеников пятого класса была девочка, которая была самой способной среди учеников общей школы, и тридцать мальчиков и девочек, пришедших с мыса, не опаздывали благодаря ей», – говорил учитель-мужчина. Но в действительности это было благодаря велосипеду учительницы-женщины. Хотя она совсем этого не замечала. Но Оиси не раз восхищалась усердием детей из деревни на мысе, и уже думала о том, чтобы прощать их мелкие шалости, а в глубине души хвалила себя за эти старания.

– Я лишь раз опоздала, когда пробило колесо. Мне ведь ехать восемь километров...

Она смотрела из окна, думая, как её поддерживает мама. Безмятежный залив сверкает совсем по-летнему, а деревня Иппонмацу, где находится её мама, затянута летними белыми облаками и поблёлка в их тени. Сквозь широко распахнутое окно дует морской бриз, и уже через два дня начнутся летние каникулы. Учительнице было так радостно, что она чувствовала, как эти мысли заполняют всё её существо. Но всё же Оиси стало немного грустно, поскольку люди в деревне Мисаки всё никак не хотели её принимать. Она жаловалась учителю-мужчине, а тот широко улыбался без задних зубов:

– Вы слишком много просите. Сколько бы домов учеников с энтузиазмом вы не посетили, модная одежда и велосипед вам помешают. Это немного вычурно, поэтому у людей формируется психологический барьер, такая уж эта деревушка.

Учительница-женщина удивилась, её лицо стало краснеть, она опустила голову и погрузилась в свои мысли.

– Родители хотят, чтобы я, надев кимоно, добиралась пешком? Туда и обратно мне по восемь километров пути...

Во время летних каникул она много раз думала об этом, но другого решения у неё не было, так и наступил второй триместр. На календаре уже был сентябрь, но после длинных каникул стояла невыносимая жара, и маленькое тело учительницы Оиси похудело, а цвет лица был нездоровым. Когда девушка собралась выходить из дома, её мама сказала:

– Что ни говори, а третья часть учебного года уже позади, так? Терпение, терпение и ещё немного терпения.

Когда они выносили велосипед, учительница слушала слова утешения. Но, хоть девушка и была учителем, перед своей мамой она, как и любой человек, могла позволить себе выглядеть немного своевольной.

– Ну вот, терпение, терпение, да?

Будто обидевшись, она спешно катила свой велосипед. Ей было приятно разрезать ветер, но от мысли о каждодневных поездках на велосипеде она чувствовала себя подавленной. Во время каникул Оиси много раз начинала разговор о том, что могла бы снять комнату в деревне Мисаки, но в итоге всё равно решила продолжить ездить на своём велосипеде. А между прочим, хоть велосипед и был удобен по утрам, но в летний зной дорога прямо-таки раскалялась, отражая солнечный свет, заходящее солнце жарило прямо в спину, и путь домой был настолько трудным, что ей казалось, её дыхание вот-вот остановится. Изо дня в день деревня на мысе так и стояла у неё перед глазами, но, как глупому и упрямому человеку,

приходится ездить вокруг этого залива, и от этого становилось только досаднее. Более того, говорят, что люди на мысе не любят её велосипед.

– Вот чёрт!

Она не могла высказать этого, но когда девушка всматривалась на мыс, простирающийся перед её глазами, невольно к ногам приливал энергия. Справа учительница увидела непривычно высокие волны с внутренней стороны мыса. «Точно, – подумала девушка, – сегодня же первое сентября». И тут она заметила, как ветер со штормом начал жестоко бить по щекам, и запах приближающего прилива начал заполнять воздух. Казалось, будто вершина горы мыса едва заметно дрожит, показывая этим ярость волн открытого моря, что заставляет испытывать небольшое беспокойство. Ведь на полпути возможно придётся слезть с велосипеда. Если это произойдёт, он может стать большой обузой. Но сейчас она не могла слезть с велосипеда. Думая об этом, неосознанно её воображение воспарило подобно оперившейся птице:

«Ветер, стань штилем! Слово Али-баба, я отдала приказ, и в то же время ветер внезапно потерял свою силу, и невероятно, но море совершенно затихло. Абсолютно. И стало спокойным, совсем как озеро, только что пробудившееся ото сна. Мост, появись! И вдруг, я вытягиваю вперёд указательный палец – внезапно над морем появляется мост. Превосходный, подобный радуге, восхитительный мост. Его вижу только я, поэтому и пройти по нему могу только я сама. Тихонько я еду по мосту на своём велосипеде. И медленно кручу педали. Ведь торопиться не стоит, не хочется упасть в море. Таким образом я неспешно переправляюсь по семицветному мосту и добираюсь до деревни на мысе на сорок пять минут раньше обычного. Все трудности только начинаются! Люди из деревни Мисаки, заметив меня, поспешно переводят стрелки часов на сорок пять минут вперед. Что до детей, то они так начали торопиться, что их стало немного жалко: они запихивали в рот недоеденный завтрак, а некоторые, так и не доев, выбегали из дома. Когда я добралась до филиала школы, изумленный, едва проснувшийся учитель-мужчина бросается к колодцу и начинает использовать воду для умывания, при этом его старая жена, не успев переодеть ночную рубашку, отчаянно обмахивает ситирин, одной рукой подбирая воротник, для виду неловко улыбаясь, она почесала глаза и уголки рта. У его жены больные глаза, и, когда она просыпается по утрам, в них всегда скапливаются выделения...»

Правдой было только последнее – она слегка невольно усмехнулась, и эта фантазия улетучилась, словно туман. Спереди до неё, как всегда, доносились плохо слышимые из-за ветра голоса:

– Учительница Камешек!

Один месяц спустя, услышав голоса, её тело мгновенно наливалось энергией, и она громко ответила: «Да-а!», но весь звук сдувал назад сильный ветер. Как она и думала, со стороны открытого моря вздымались и шумели волны, будто провозглашая злосчастный день.

– Вы медленно шли. Кажется, сегодня вы опоздали минут на сорок пять.

Услышав это, в ней просыпались ностальгические чувства, и дети, которые, казалось, что-то хотели сказать, начинали настойчиво бежать. И учительница тоже, сопротивляясь ветру, направляла все силы на то, чтобы крутить педали ещё быстрее. Иногда направление ветра менялось подобно танцу, и ей приходилось спускаться с велосипеда снова и снова. Кажется, она и вправду опаздывает минут на сорок пять. Находясь на берегу моря, деревня Иппонмацу защищена мысом даже в самую ненастную погоду, в отличие от деревни Мисаки. Продолговатая деревня на мысе находилась со стороны открытого моря, и, похоже, постоянно получала соответствующий ущерб. Сломанные ветки деревьев застилали всю дорогу, и дальше ехать на велосипеде было мучительно трудно. Ей приходилось больше толкать его, идя пешком. Так и вышло, что она действительно сильно опоздала, и, когда наконец она смогла хорошо увидеть всю деревню целиком, остановилась и невольно воскликнула:

– Вот ведь!

У маленькой пристани в начале деревни Мисаки, прямо возле причала, опрокинулась рыбацкая лодка, и выставленное напоказ днище походило на спину кита. У дороги собралось несколько лодок, которые, по-видимому, не уместили на причал. Морской гравий выносило на берег, и вся дорога была засыпана до такой степени, что было абсолютно невозможно проехать на велосипеде или на чём бы то ни было ещё. Перемены были настолько разительны: будто она попала в совершенно другую деревню. Повсюду на берегу моря в домах разрушилась кровля, и люди забирались на крыши, чтобы починить их. Пока, судя по всему, ни у кого не было времени приветствовать учительницу, поэтому Оиси всё так же пробиралась вдоль дороги, избегая камней, и, с большим трудом толкая свой велосипед, наконец добралась до филиала школы. Пока она проходила ворота, внезапно выбежали первоклассники и окружили её. Так, словно радуясь бушевавшей вечером грозе, дети были радостны и полны энергии. Немного назойливая Кагава Масуно так громко говорила, будто это сообщение было её долгом, и высота её голоса осадила гул всего класса.

– Сэнсэй, дом Сонки был разрушен! Раздавлен как краб!

Изумившись от слов, выходивших из тонких губ Масуно, глаза учительницы раскрывались всё шире и шире, даже цвет её лица изменился.

– Ах, Сонки-сан, твоя семья не пострадала?

Оглядевшись, Сонки, которого звали Окада Исокити, кивнул с видом ещё не очнувшегося человека.

– Сэнсэй, колодезный журавль у моего дома разломался посередине надвое, и кувшин с водой тоже раскололся.

Конечно, это сказала Масуно.

– Это так ужасно. А что с другими домами?

– Торговец из лавки мелочей забрался на крышу, чтобы накрыть её от ветра, а потом с неё свалился.

– Неужели?

– Ещё в доме Ми-сан слетели оконные ставни. Так, Ми-сан?

Если обратить внимание, говорила только Масуно.

– А что с другими учениками? Всё в порядке?

Её взгляд встретился с Ямаиси Санаэ, от стеснения лицо девочки залилось румянцем, и она кивнула. Масуно потянула учительницу за юбку, чтобы привлечь к себе внимание.

– Сэнсэй, сэнсэй, а важнее всего то, что поднялся огромный переполох. В дом торговца рисом Такэити залезли воры. Так, Такэити? Унесли целый мешок риса.

Такэити напряжённо кивнул в знак согласия.

– Мы были неосторожны. Думали, что никто не зайдёт, ведь был такой дождливый и ветреный день. Сегодня утром мы увидели, что двери амбара были открыты. Папа предположил, что до дома воров может быть рассыпан рис, и начал искать, но никого не нашёл.

– Да, всякое может случиться... Подождите минутку, я оставлю свой велосипед, поговорим попозже.

Обычной дорогой Оиси пошла в сторону учительской, как внезапно почувствовала непривычную яркость, и, остановившись, крайне изумилась. Учительница увидела колодец с сорванной крышей: вместо неё теперь виднелось небо, по которому неслись белые облака. Рядом пробежал учитель-мужчина с полотенцем, обвязанным жгутом вокруг головы. Его лицо выражало приветствие, что было ему несвойственно.

– А-а, учительница, как вам тут? Ночью было беспокойно.

Следом появилась его жена с подвязанными рукавами и поздоровалась с Оиси, снимая полотенце с головы. Они уже давно не виделись.

– А у вас в деревне сосна ведь сломалась.

– Да? Не может быть!

Учительница так испугалась, что почти подпрыгнула, и направила взгляд в сторону своей деревни. Одинокая сосна стояла точно на том же месте, где и всегда, но после пристального

рассмотрения облик показался ей другим. Буря не была такой уж и ужасающей, но старая сосна, похоже, потеряла часть ствола, покрытого ветвями. Но, несмотря на это, в деревнях, окруженных заливом, с незапамятных времён старая сосна стала своего рода достопримечательностью. Девушке стало стыдно, ведь она не заметила, что с деревом что-то случилось, будучи местной жительницей. Кроме того, этим утром со здоровым высокомерием из-под одинокой сосны одним указательным пальцем она проложила волшебный мост, и волны успокоились. Переведя деревенские часы на сорок пять минут вперёд, жители Мисаки были взбудоражены, хотя, если присмотреться как следует, никто не был особо взволнован. Учитель-мужчина в спешке не только использовал воду для умывания, но ещё и работал босиком. Его жена уже давно справилась с ситирином и другими делами и работала, подвязав рукава кимоно.

Оиси тайком думала, что первый день второго триместра был неправильным с момента отъезда. Она раскаивалась, что была резка с матерью, когда выходила из дома. Во время пения, которое было третьим уроком, ей пришлось в голову взять с собой учеников и посетить постигшую несчастье семью, чтобы выразить свои соболезнования. Они пошли в дом Нисигути Мисако, находящийся ближе всего к филиалу школы. После слов о раздавленном доме Сонки, дети решили, что он пострадал больше всех, поэтому следом они отправились туда. Дом его семьи находился вверх по дороге от храма Бога Кодзина. Учительница вспомнила, как сегодня утром Масуно доходчиво рассказывала про раздавленного краба, словно эти слова слетали с губ взрослого человека, и почему-то Оиси смогла до мельчайших подробностей представить эту картину. И вот они увидели дом, который уже был заметно приведён в порядок силами соседей. Отдельно стоящий сарай для тофу был спасён, поэтому это строение с земляным полом покрыли татами и переносили туда домашнюю утварь. Когда Оиси подумала, что сегодня ночью здесь будет спать семья из семи человек, она не смогла выговорить ни слова сочувствия; среди пришедших на помощь людей был отец Кавамото Мацуэ, похоже, это было довольно шуточно для плотника, но отчасти в его словах была некоторая насмешка.

– А, вот и сэнсэй, вы же пришли помочь нам? В таком случае у меня есть одна просьба: можете ли силами этой толпы учеников перекатить камни с дороги к берегу? Без плотника здесь не обойтись. Или, может быть, у вас есть топор?

Это был хороший повод для шутки, поэтому люди вокруг рассмеялись. Учительница вздрогнула и подумала, что внешне безобидное дело было опозорено. Но они пришли сюда с определённой целью: сказать пару слов сочувствия семье Сонки, поэтому она немного замешкалась, но никому не было до неё дела. И поневоле Оиси поспешила вернуться обратно, скрывая своё смущение.

– Послушайте, ребята, давайте вместе уберём камни с дороги?

– Ага, ага.

– Давайте.

Дети были радостно взволнованы и разбежались, словно паучата. Похоже, что буря принесла с собой свежест, и накрытая жарой деревня теперь была хорошо видна.

– Раз, два, взяли!

– Ах ты!

– Вот чёрт!

Каждый своими силами переносил камни и бросал примерно в двух метрах от дороги вниз к берегу. Покрытая такими большими камнями, которые можно сдвинуть только при помощи двух человек, дорога выглядела словно каменистое побережье. Теперь вода в море была спокойна, но ещё вчера ночью, переваливаясь через эту высокую каменную стену у дороги, она поднимала эти тяжелейшие камни; это была такая сверхъестественная сила природы, что оставалось только изумляться. Волны приносили камни, ветер разрушал дома, деревня на мысе пришла в полный беспорядок всего лишь за одну ночь. Думая о том, что то же самое первое сентября сильно отличалось внутри мыса и за его пределами, учительница с

глухим стуком выронила камень у берега, а совсем рядом третьеклассник привычным движением оттолкнул его ногой. И тогда она спросила:

– Во время шторма всегда так?

– Да.

– И вы все вместе убираете камни?

– Да.

В это время мама Кагава Масуно как раз проходила рядом:

– Ну что вы, сэнсэй, спасибо за ваш труд. На сегодня уже достаточно, ведь скоро будут восьмое и десятое сентября¹.

Мама Масуно была женой владельца ресторана и гостиницы в центральном посёлке и приехала на мыс, чтобы навестить свою дочь. Масуно шла скачками и крепко обхватила маму за поясницу:

– Мама, вчера вечером было очень страшно. Было так громко, что я засыпала, прижавшись к бабушке. А проснувшись утром, увидела, что колодезный журавль у колодца возле дома бабушки посередине разломался надвое, и кувшин с водой тоже раскололся.

Масуно повторяла матери ту же историю, которую сегодня утром рассказала учительнице Оиси. Кивая головой один раз за другим, мама Масуно как бы наполовину обратилась к учительнице:

– Я слышала, что в это деревне судна на мысе смыло течением, крыши разбило, а стены домов попадали, и стало видно всё, что было внутри. Я очень испугалась, но у нас, к счастью, пострадал только колодезный журавль.

После того, как мама Масуно ушла, учительница спросила:

– Ма-тян, в чьём же доме попадали стены?

Масуно несла в руках камень, словно забыла его выбросить, и тут её лицо приняло самодовольное выражение:

– Это дом Ниты, сэнсэй. Стены упали, и вещи в осиирэ вымокли до нитки. Если посмотреть внутрь, всё увидишь. Бабушка вот так вот смотрела на потолок осиирэ!

От того, как она изобразила гримасу бабушки, учительница невольно рассмеялась:

– Осиирэ, неужели!

И после этого её смех набрал силу и распространился вокруг. Ученики не понимали, почему учительница так рассмеялась, а лицо Масуно сразу же засияло от радости, поскольку она смогла в одиночку так рассмешить Оиси. Все понемногу приближались к лавке мелочей. Хозяйка лавки выскочила с грозным видом и подошла прямо к Оиси. Казалось, она ничего не могла сказать, пока её плечи вздымались в такт дыханию. Учительница резко перестала смеяться и сразу же поклонилась:

– Ах, простите за невежливость, шторм был просто ужасный, и сегодня мы помогаем убирать камни.

Однако хозяйка сделала вид, что ничего не услышала:

– Учительница-женщина, что же заставило вас смеяться в такое неподобающее время?

Воцарилось молчание. Хозяйка продолжала:

– С людьми случилось несчастье, неужели это так забавно? Наш отец упал с крыши, вероятно, вам это тоже смешно? К счастью, он остался невредим. Чем сильнее травма, тем вам смешнее, не так ли?

– Прошу прощения, я совсем не это имела в виду...

– Нет, иначе почему вы смеётесь над несчастьем других людей? Очищать дорогу для приличия – это, конечно, хорошо. Как бы там ни было, прошу вас не подходить к моему дому... Похоже, вы взялись убирать дорогу, потому что по ней не может проехать ваш велосипед. В таком случае, вы должны делать это в одиночку...

Обомлев от изумления, учительница осталась стоять и не могла вымолвить ни слова, а хозяйка, оставив её, возмущённо продолжила бормотать себе что-то под нос. Она уже обратилась жене жившего по соседству плотника Кавамото и нарочно громко сказала:

– Какие же ужасные люди бывают... Неужели учительница смеётся, услышав о чужом несчастье? Я ей уже всё высказала.

Без сомнения, вскоре слухи об этом распространятся по всей деревне. Несколько минут Оиси стояла неподвижно, погружённая в свои мысли. Придя в себя, она обнаружила, что окружена учениками, по лицам которых казалось, что они беспокоятся об учительнице. Она вот-вот была готова расплакаться, но улыбнулась и оживлённо сказала:

– Что ж, давайте заканчивать. Это была «Глава о неудаче учительницы Камешек». И всё же, не спеть ли нам песню на берегу?

Оиси развернулась и повела детей вперёд. Она улыбалась, но дети не могли не заметить, что слеза катилась по её лицу.

– Учительница плачет...

– Старуха из лавки мелочей довела её до слёз...

Тихий шепот, заглушаемый звуками шагов в сандалиях дзори, разносился позади. Оиси обернулась, она хотела изобразить улыбку и сказать: «Нет, я не плачу!» – как слёзы снова покатались из её глаз, поэтому она замолчала. Она подумала, что сейчас не стоит смеяться. Её недавний смех относился не к человеческим несчастьям, как сказала жена торговца, а к смешной жестикующей Масуно, и вдобавок к последующей ассоциации со стенным осиирэ. Она вспомнила Нита в один из учебных дней полугодия и поэтому рассмеялась. В тот раз она спросила у класса:

– Где живёт Его Величество Император?

Среди леса поднятых рук и возгласов «Да! Да!», вопреки обыкновению, Нита тоже тянул руку.

– Да, Нита-кун.

Нита напрягся всем телом и, как всегда, громко выкрикнул:

– Его Величество Император в осиирэ!

Учительница до слёз рассмеялась на этот чересчур оригинальный ответ. Вместе с ней засмеялись и другие ученики. Класс словно затрясся от хохота, и этот гул эхом отозвался по всей школе. Хотя Нита и слышал, что другие ученики называли ответ «Токио», «императорский дворец» и тому подобное, он сохранял одобряющее лицо. Учительница спросила:

– И почему же Император в осиирэ?

После того, как смех утих, Нита ответил немного неуверенным голосом:

– Разве мы не прячем его в школьном осиирэ?

Теперь всё стало ясно. Нита имел в виду фотографию императора. В этой школе не было специального места для фотографии императора – Хо ан дэн, поэтому её хранили в осиирэ под замком.

Разрушенные стены осиирэ в доме Нита напомнили ей этот случай. Каждый раз, вспоминая эту ситуацию, молодая учительница не могла сдержать смех. Такое объяснение жена торговца не стала бы слушать, и она молча шла. И до сих пор слёзы всё ещё скатывались по её лицу, но та ситуация с императором в шкафу-осиирэ кажется смешной. Но слова жены торговца взяли верх. И учительница, и ученики были в таком расположении духа на берегу реки, что невозможно было не захотеть петь. Спускаясь по берегу, Оиси начала дирижировать руками и завела песню.

Весной дышал речной тростник,

Это была песня «Парикмахер-торопыга²». Дети окружили учительницу и продолжили петь:

Краб решил парикмахером быть.

Чик-чик-чик, чик-чик-чик!

Во время пения всем незаметно становилось легче на душе.

*Кролик пришёл, но краб промахнулся,
Ничего не поделатъ: с плешью вернулся!*

Когда они заканчивали петь, учительница искренне смеялась, думая, что паника потерпевшего неудачу краба (краб-парикмахер отрезал кролику уши) похожа на них самих с их недавним весельем. «Эта дорога³», «Когда поёт зуёк⁴» – они пели все песни, которые вспомнили за прошедший триместр. После песни «Генерал на горе⁵» они сделали передышку. Ученики разбежались, а рядом с учителем послушно остались только пять-шесть человек первого класса. Некоторые девочки собирали в пучок растрёпанные волосы, за которыми редко ухаживали, а у некоторых мальчиков волосы доросли уже до самых ушей. В деревне не было парикмахерской, поэтому школьная машинка для стрижки волос, которой заведовал учитель-мужчина, была очень полезной. Девочкам с пучками помогали учительницы-женщины, укладывая их волосы ртутной мазью⁶. Думая о том, что она это и сделает завтра, учительница сразу поднялась:

– Что ж, на сегодня достаточно, давайте возвращаться.

Оиси смахнула подол развевающейся на ветру юбки, шагнула назад, внезапно упала и резко вскрикнула. Она попала в яму-ловушку. Одни крикнули вместе с ней, другие приблизились к учительнице и взорвались от хохота, третьи радостно захлопали в ладоши, а некоторые не могли вымолвить и слова, но Оиси не поднималась среди этого шума. Она так и лежала на боку, согнувшись пополам, с запутанными в песке волосами. И тогда звуки смеха и хлопанья в ладоши начали стихать. В воздухе повисло странное ощущение. Когда Ямаиси Санаэ увидела, как из закрытых глаз учительницы текли слёзы, она громко разрыдалась. В ответ на этот плач учительница, говоря: «Всё в порядке...» – с трудом попыталась встать, подавая тело вперёд, и аккуратно достала ногу, будто дотрагивалась до чего-то пугающего, и расстегнула застёжку на туфле. И, только дотронувшись до лодыжки правой ноги, учительница снова легла и осталась в таком же положении. Она уже не могла подняться и продолжала лежать с закрытыми глазами:

– Кто-нибудь, сходите и позовите учителя-мужчину. Учительница-женщина сломала ногу и не может идти...

Переполох нарастал, как растревоженный пчелиный улей – старшие дети с криком побежали, следом за ними маленькие девочки разразились плачем. И, словно на звук пожарного колокола, люди со всей деревни выбежали на улицы и мчались на звук. Раньше всех прибежал отец Такэити и, увидев лежащую без движения учительницу с поникшей головой, встал рядом с ней на колени прямо в песок и заглянул ей в лицо:

– Сэнсэй, что случилось?

Но она оставалась хмурой, казалось, неспособной вымолвить и слова. После рассказа детей, что она поранила ногу, он немного успокоился и спросил:

– Вывих, наверное? Дайте я посмотрю.

Отец Такэити повернулся, чтобы снять обувь, и когда он это сделал, учительница завывала от боли, ещё сильнее нахмурив лицо. Её лодыжка опухла до такой степени, что оставила чёткие следы от обуви и, казалось, стала толще в два раза. Кровь не шла.

– Нужно приложить холод...

Сказал отец Такэити уже собравшимся вокруг людям, отец же Токуда Китидзи поспешно бежал с испачканным полотенцем, снятым с поясницы и смоченным морской водой:

– Болит? Сильно?

Услышав, что прибежал учитель-мужчина, Оиси молча ему кивнула. Он спросил:

– Пешком, похоже, не сможете идти?

Она снова кивнула.

– Один раз попробуете встать?

Она молчала. Мама Нисигути Мисако принесла отрез ткани, которая была смазана мукой с яйцами.

– Думаю, что кость не сломана, но нужно скорее показаться врачу или обратиться к массажисту.

– Если к массажисту, то лучше к Кусака из района Нака, он хороший костоправ.

– Чем идти к Кусака, лучше в хирургическое отделение клиники Хасимото, не правда ли?

Вокруг было много разговоров, но что же делать в деревне на мысе, где нет ни врачей-хирургов, ни массажистов? Единственное, что всем было предельно ясно, так это то, что учительница в любом случае не может идти самостоятельно. После обсуждения было принято решение отвезти Оиси в район Нака на лодке. Решили, что отец Кабэ Коцуру и старший брат Такэити будут грести на лодке рыбака, отца Мориока Тадаси. Учитель-мужчина сопровождал её и, разместив учительницу на своей спине, погрузился вместе с ней на лодку. Всякий раз, когда он усаживал, поднимал на спину или придерживал Оиси, из крепко сомкнутых губ учительницы невольно вырывался болезненный стон.

Дети провожали лодку, покидавшую побережье. Девочки прыгали вслед за ней и громко рыдали.

– Сэнсэй!

– Сэнсэй!

Были и те, кто кричали не жалея голоса. Учительница Камешек не могла двигаться, её глаза оставались закрытыми, она не издавала ни звука, провожаемая детскими голосами.

– Сэнсэй!

Голоса постепенно отдалялись от лодки, пересекавшей середину залива. Сейчас, сдерживая боль, учительница возвращается обратно через море по тому пути, по которому ещё утром возводила волшебный мост.

Комментария

Глава вторая

¹ Восьмое и десятое сентября – японцы верят, что в эти дни происходят тайфуны.

² Песня «Парикмахер-торопыга», слова Хакусю Китахара, 1923 г.

³ Песня «Эта дорога», слова Хакусю Китахара, 1927 г.

⁴ Песня «Когда поёт зюёк», слова Хакусю Китахара, 1921 г.

⁵ Песня «Генерал на горе», слова Ясо Сайдзё, 1921 г.

⁶ Ртутная мазь использовалась как средство против вшей.

Глава третья

第三章

Перевод с японского: Евгений Блатун

翻訳 エヴゲーニイ・ブラトун

Пять го риса и один сё бобов

米五ン合豆一升

Сначала прошло десять дней. Затем более половины месяца. Но учительница-женщина так и не показалась. Оставленный снаружи у стены учительской велосипед покрылся пылью, а окружавшие его дети выглядели подавленно. Некоторые думали, что учительница Камешек больше уже не придёт. Похоже, что старшеклассники тоже начали скучать. После того, как они перестали видеться с Оиси, то начали осознавать, как сильно её велосипед подбадривал их каждый день, и как сильно они все ждали встречи с ней по длинному пути в общую школу. Жители деревни Мисаки тоже скучали. Что бы они ни говорили, а в глубине души

раскаивались, что не очень хорошо относились к учительнице. Все вдруг стали хорошо отзываться о ней:

– У нас никогда не было такого учителя, которого бы дети полюбили с самого начала.

– Будет тяжело, если она скоро не поправится. Нехорошо ведь, если учительница станет инвалидом из-за деревенских детей... Да, нам будет трудно, если не найдётся новый учитель.

– Надеюсь, она скоро поправится. Она молода, травма пройдёт, но если её ноги будут плохо двигаться, то ей будет тяжело добираться до филиала школы.

Такие разговоры ходили об Оиси. В глубине души все хотели, чтобы она обязательно вернулась в филиал школы в Мисаки. Если же она этого не сделает, то быть беде. Больше всего за неё беспокоился учитель-мужчина.

В маленьком деревенском филиале уроки пения были раз в неделю. Но даже этот часовой урок был учителю-мужчине не по силам. Во время отсутствия Оиси, он говорил детям сперва петь хором уже выученные песни. Тем же, у кого хорошо получалось, он отдавал сольные партии. Таким образом занятия проводились около месяца, но так не могло продолжаться вечно, поэтому, в конце концов учитель-мужчина начал учиться игре на органе. Эта задача была довольно сложной. Вместо «ДО-ДО-ДО-РЕ-МИ-МИ-МИ, СОЛЬ-СОЛЬ-СОЛЬ-ЛЯ-СОЛЬ», он вслух пел «ХИ-ХИ-ХИ-ФУ-МИ-МИ-МИ, И-И-И-МУ-И»¹. Так он научился петь ноты ещё в то время, когда ходил в начальную школу.

– МИ-МИ-МИ-МИ-ФУ-ФУ-ФУ, ХИ-ХИ-ФУ-МИ-ХИ.

Урок пения был третьим и одновременно последним уроком в субботу. Расписание было составлено так, чтобы дети после весёлого урока пения расходились по домам с хорошим настроением и с радостью встречали воскресенье. Но, к сожалению, и для учителя-мужчины, и для учеников субботний урок пения как-то внезапно наскучил. Учитель переживал по этому поводу больше детей. Примерно в четверг он начинал всё больше и больше волноваться о субботнем уроке пения, поэтому становился раздражительным и по мелочи срывался на учеников. Он мог отругать ребёнка, который просто отвлёкся, или поставить в угол за то, что тот что-то забыл.

– Учитель-мужчина стал очень сердитым в последнее время, не правда ли?

– Мне это не нравится. Интересно, что случилось?

В то время как ученики строили догадки, жена учителя знала истинную причину его раздражительности и хотела как-то попробовать помочь ему, поскольку в глубине души переживала за него. В пятницу вечером его жена, оставив домашнюю подработку по плетению соломы для шляп, встала рядом с органом и, пытаясь подбодрить мужа, сказала:

– Давай понарошку я стану твоим учеником.

– Давай.

– В мерцающем свете лампы рядом с органом пожилые супруги выглядели так, как если бы их увидела маленькая девочка, то непременно бы испугалась. В полумраке учитель и его жена вместе пели: «ХИ-ХИ-ХИ-ФУ, МИ-МИ-МИ, И-И-И-МУ-И».

К тому моменту, когда им удалось подстроиться друг под друга, наступила глубокая ночь. В деревне не осталось ни одного дома, который бы не спал, и жена учителя, боясь, что они своими занятиями могут побеспокоить кого-то из жителей деревни, потушила лампу. Возвращаясь в комнату на ощупь, она глубоко вздохнула и прошептала:

– Учительница Оиси доставила нам немало хлопот, ты так не думаешь?

– Да, но, наверное, ей тяжелее приходится...

– Да уж, действительно. Твои трудности при игре на органе не идут ни в какое сравнение с травмированной ногой.

– Возможно, что она уже не вернётся назад в Мисаки. Ведь, в отличие от неё самой, её мать сильно разозлилась. Она сказала, что больше никогда не отпустит свою единственную дочь в деревню, где живут такие злые люди.

– Что правда, то правда. Будет тяжело, если учительница не вернётся, и ей не смогут найти замену, – сказала его жена, мельком бросив укоризненный взгляд в сторону моря. Она говорила так тихо, будто боялась, что кто-то другой может её услышать. Деревня Иппонмацу,

похоже, спала спокойно, лишь едва заметные огоньки мерцали вдалеке, словно мелкие звёзды на ночном небе. Жена учителя, думая о том, что они с мужем единственные, кто так усердно трудится до глубокой ночи, чувствовала обиду на Оиси.

С тех пор его жена тоже взяла на себя роль учительницы. Она отвечала за обучение шитью пяти четвероклассниц. Но шитьё половых тряпок не было такой уж проблемой. В течение всего урока женщина подходила к каждой ученице и наблюдала, чтобы все старались шить так, будто вышивают тэмари. Впрочем, провести урок пения, играя при этом на оргáne, вне всякого сомнения, было гораздо сложнее. Это требовало больших способностей, нежели шитьё. Жене учителя казалось невероятным, то, с каким усердием занимался её муж. И хотя уже наступил октябрь, учитель-мужчина сильно потел, когда практиковался. Стесняясь того, что на улице кто-то может его услышать, он всегда держал окна в классе закрытыми, из-за чего пот лился ещё сильнее.

Для преподавателей было естественным уметь играть на оргáne. Тем не менее, для учителя-мужчины, который после окончания начальной школы с большим усердием учился сам и в конце концов смог стать педагогом, умение играть на оргáne по-прежнему оставалось для него самой большой трудностью. В деревнях ни в одной школе не было отдельного учителя музыки, поэтому каждый учитель должен был обучать учеников своего класса пению и ещё заниматься с ними физкультурой. Учителю это не нравилось, поэтому сам попросил отправить его в такое глухое место. Но судьба распорядилась иначе – и вот он сидит в поту перед оргánом. Порой учитель был настолько сильно раздражён, что готов был разбить инструмент.

Но эта ночь отличалась от других. Наступил тот момент, когда его жена, как единственная ученица, и он, как органист, смогли достичь общей гармонии. Поэтому у него было довольно хорошее настроение. Немного горделиво он сказал жене:

– Даже я могу играть на оргáne, когда действительно хочу этого!

Его жена, согласившись, кивнула:

– Да, верно.

Завтра будет уже шестой по счёту урок пения, после того, как учительница Оиси перестала появляться в филиале в Мисаки из-за травмы. Учитель-мужчина с нетерпением ждал завтрашнего урока.

– Уверен, ученики будут удивлены!

– Да. Думаю, они станут думать о тебе ещё лучше, когда узнают, что ты тоже умеешь играть на оргáne.

– Действительно. Для начала, необходимо научить детей достойным песням. Учительница Оиси учила детей только какой-то бессмыслице. Например, «Когда поёт зюёк» или той песне, где поётся «чик-чик-чик, отрезал клешнями». Эти песни такие же скучные, как и песни, которые поют во время танцев на празднике Бон.

– Но всё же детям они нравятся.

– Хмм... Такие песни могут быть хороши для девочек, но не для мальчиков. Я думаю, что необходимо научить их такой песне, которая смогла бы пробудить в них настоящий японский дух! У нас ведь не только девочки учатся.

Стоя перед женой, муж гордо выпятил грудь и начал петь песню, которую они недавно репетировали:

– Огромная скала не так тяжела²...

– Ш-ш-ш, тише! Если кто-нибудь услышит, то подумает, что ты сумасшедший, – испуганно махая руками, сказала жена.

Наконец наступил следующий день. И хотя время урока уже пришло, ученики медленно и неохотно шли в класс. Они думали о том, что сегодня им снова придётся петь без сопровождения оргána, и, вероятно, от этой мысли их ноги становились тяжелее. Обычно после второго урока учительница Камешек оставалась в классе и играла на оргáne. Когда звучала колотушка на третий урок, её мелодия менялась на марш, и в мгновение ока ноги детей сами собой шагали в класс. Где-то в глубине души ребята понимали, насколько это

было весело, но всё же до конца не осознавали этого. И это чувство веселья не описать словами. Поэтому сейчас, когда учительница Камешек перестала приходить в филиал в Мисаки, у учеников появилось такое чувство тоски, сравнимое по степени с той радостью, которую они испытывали раньше. Это чувство тоски нельзя было выразить словами. Дети теперь осознавали его, но никому не говорили об этом.

– Я послушаю, а вы все вместе спойте песню, которая вам нравится, – говорил учитель-мужчина, не обращая внимания на оргán.

Но, несмотря на его просьбу, было нелегко начать петь без сопровождения инструмента. Но даже если дети и пели, то они всё равно не попадали в нужные ноты.

Тем не менее, сегодня всё было немного по-другому. Когда ученики вошли в класс, учитель-мужчина уже ждал их, сидя напротив оргána. Он даже сыграл сигнал к поклону, хоть он и отличался от того сигнала, который обычно играла учительница-женщина. На лицах учеников читалось удивление. На правой части доски были написаны ноты, а на левой – слова песни так, как обычно это делала Оиси.

Огромная Скала

*Огромная скала не так тяжела,
Как наш долг перед страной.
В день, когда начинается война, когда появляется враг,
Когда стрелы и пули пролетают мимо,
Ради родины пойдём в атаку.
Покажите же свою мужественность, покажите неподдельную сердечность!*

Возле всех иероглифов было написано их чтение. Учитель-мужчина встал из-за оргána, подошёл к доске и, как обычно он это делал на занятиях, начал объяснять смысл песни, указывая кончиком бамбуковой указки на каждое слово. Это напоминало урок этики. Но сколько бы учитель ни объяснял, никто из учеников не понимал истинный смысл этой песни. Сперва первоклассники, а вслед за ними и второклассники начинали отвлекаться и шуметь. Некоторые третьеклассники и четвероклассники перешёптывались друг с другом. Внезапно учитель сильно ударил своей указкой по столу. Дети все разом стихли и посмотрели на него большими испуганными, как у голубя, глазами.

– Сейчас учительница Оиси временно не может ходить в филиал в Мисаки, поэтому я заменяю её на уроках пения. Я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили всё то, чему я вас учу, – сурово сказал учитель, но в его голосе слышалась и нотка доброты.

Затем он подошёл к оргáну и сел за него, опустив голову. Казалось, он был смущён. В довершение всего учитель, продолжая так сидеть, запел:

– ХИ-ХИ-ХИ-ФУ-МИ-МИ-МИ, И-И-И-МУ-И. А теперь все вместе!

Дети внезапно рассмеялись. Причиной тому стало то, что учитель вместо современных названий нот «до, ре, ми, фа...» использовал устаревшие. Но сколько бы они не смеялись, учитель привык петь по-старому и уже не мог перестроиться на современный лад. Поэтому, в конце концов, он сначала научил детей гамме со старыми названиями, а затем преподавал уже по-своему. Когда дети немного освоили новые названия нот, они с удовольствием запели:

– МИ-МИ-МИ-МИ-ФУ-ФУ-ФУ, ХИ-ХИ-ФУ-МИ-ХИ-и, ФУ-у-ФУ-ФУ-ФУ-ХИ-МИ-И, И-И-И-МУ-И-МИ...

Когда дети пели подобным образом, создавалось впечатление, будто смеётся или злится какой-то сумасшедший. Ребята мигом освоили новый способ петь, и с этого дня он стал весьма популярным. Никто из них не понимал смысл этих героических слов, и, вместо того, чтобы петь слова, как того хотел учитель, все пели: И-И-И-И, МУ-И-МИ-и.

В одну из последующих суббот дети возвращались домой, после того, как им снова пришлось петь «Огромную скалу», Кагава Масуно, учившаяся в первом классе, прошептала Ямаиси Санаэ, которая шла рядом:

– Мне не очень нравятся уроки учителя-мужчины. Всё-таки я больше люблю песни, которые мы пели с учительницей.

Сказав это, сразу она начала петь:

– *От горной вороны³...*

Санаэ и Коцуру дружно подхватили:

– *Я маленький красный конверт получил...*

У первоклассников занятия были только утром, поэтому среди всех этих девочек были только те, кто учился в первом классе.

– Интересно, когда учительница вернётся?

Масуно взглянула в сторону деревни Иппонмацу, а вслед за ней и взгляд всех остальных устремился в ту сторону.

– Мне хочется снова увидеть лицо учительницы, – сказала Коцуру. Окада Исокити, по кличке Сонки, и Токуда Китидзи, по кличке Киттин, догнали шедших домой девочек и, присоединившись к ним, повторили:

– Мне хочется снова увидеть лицо учительницы.

Сразу после того, как они произнесли эти слова, они осознали их смысл, и им действительно захотелось повидаться с учительницей Оиси. Они остановились и посмотрели в сторону Иппонмацу.

– Учительница лежит в больнице, – Сонки повторил слова, которые где-то слышал. Но Коцуру возразила:

– Она была в больнице только первое время, её уже выписали. Мой папа сказал, что вчера встретил её на дороге.

Видимо поэтому Коцуру и была первой, кто подумал о том, что хочет повидаться с учительницей. Её отец работал разносчиком и выполнял различные заказы как на суше, так и на море. Вчера он ходил со своей тележкой в посёлок и принимал заказы на доставку. По крайней мере раз в два дня разносчик обходил посёлки и деревни, окружавшие залив, но кроме товаров в своей тележке он приносил ещё и различные слухи. Например, то, что учительница Оиси потянула ахиллово сухожилие, и что из-за этого два-три месяца не сможет нормально передвигаться – всё это он услышал, пока ходил по деревням, а колокольчик, висящий на его поясе, издавал звон.

– В таком случае, интересно, скоро ли вернётся учительница? Надеюсь, что скоро, – сказала Санаэ с сияющими глазами, полными надежды. Коцуру вновь её перебила:

– Сейчас она не сможет вернуться, ведь она пока даже встать нормально не может.

Затем Коцуру встала и с запалом заявила:

– Давайте все вместе пойдём домой к учительнице-женщине и проведем её! – сказав это, она посмотрела на каждого из учеников.

К этому времени Такэйти, Мориока Тадаси, по кличке Танко, и Нита уже незаметно присоединились ко всем. Тем не менее никто из детей тут же не поддержал идею девочки. Все просто молча смотрели в сторону Иппонмацу, так как никто из них не имел ни малейшего понятия о расстоянии между ними и деревней, где жила учительница. Восемь километров, или, как говорили взрослые, два ри. Для первоклассников это были лишь слова, никто из них не осознавал, сколько это на самом деле. Дети никогда не ходили на такие расстояния, поэтому не могли представить, насколько далеко находится Иппонмацу. Но если бросить туда взгляд через море, то ребятам казалось, что это совсем недалеко. Лишь одна вещь их немного беспокоила – деревня учительницы была дальше, чем храм Бога Удзи. Никто из детей никогда не ходил пешком до Иппонмацу. Каждый год ребята, кто пешком, а кто на лодке ходили на праздник к храму Бога Удзи, который был по дороге к Иппонмацу, но никто не знал, сколько ещё придётся идти от храма. Из всех детей только Нита совсем недавно был в городке, который находится дальше Иппонмацу. Но от храма до городка он

тогда ехал на автобусе, проезжая мимо деревни учительницы Оиси. Но несмотря на этот факт, все собрались вокруг Ниты.

– Нита, а сколько примерно по времени заняла дорога до Иппонмацу?

Мальчик стал в гордую позу, и сказал, даже не вытерев сопли:

– От храма до деревни мы добрались очень быстро. К тому времени, когда автобус уже проезжал мимо остановки в Иппонмацу, я не успел съесть ни одного мандзю.

– Ты врёшь! Один мандзю можно съесть за минуту! – возразил Такэити.

– Это же невозможно, правда? – продолжила Мацуэ, обратившись к Мисако. – Как бы быстро ни ехал автобус, он ни за что успеет доехать от храма до Иппонмацу за минуту, верно?

Друзья не согласились с Нитой, и он, раздражённый недоверием, ответил:

– Но я начал есть мандзю возле храма, а когда вышел из автобуса, он был всё ещё у меня в руке!

– Не врёшь?

– Не вру!

– Тогда поклянись!

– Клянусь!

Наконец спор разрешился и все успокоились. Нита впервые в жизни ехал на автобусе, о чём никто из ребят и подумать не мог. Мальчик всю дорогу смотрел на водителя, и всё для него было так необычно, что он и думать забыл о мандзю. Но в любом случае, мальчик был единственным, кто ездил на автобусе до городка, проезжая мимо Иппонмацу, и, судя по его словам, даже не успел съесть одного мандзю до конца поездки. Поэтому дети пришли к выводу, что расстояние между храмом и Иппонмацу – не то, о чём стоит беспокоиться. К тому же их уверенность подкреплялась ещё и тем, что учительница-женщина каждый день приезжала рано утром, добираясь из своей деревни на велосипеде. Значит, та дорога гораздо короче, чем дети думали изначально. А ещё их желание отправиться в путь подогревало и то, что на противоположном берегу как раз проезжал автобус, который дети смогли разглядеть. Автобус выглядел всё меньше и меньше и в мгновение ока скрылся в лесу.

– Как же хочется отправиться туда и повидать учительницу! – сказала Масуно с таким чувством, что её настроение передалось даже мальчикам. Тадаси и Такэити поддержали:

– Пойдём!

– Да, пойдём!

Коцуру и Мацуэ взволнованно подпрыгивая, поддержали:

– Вперёд! Поспешим! Бегом туда и бегом назад.

– Точно, точно!

Молчали только Санаэ и Котоэ. И если для Санаэ это было нормальным, поскольку она всегда была молчаливой, то по лицу Котоэ можно было сказать, что девочка сомневается. Вероятно, она думала о доме.

– Кото-ян, ты же не хочешь сказать, что не пойдёшь? – с укором сказала Коцуру.

Лицо Котоэ становилось всё более и более напряжённым. Наконец тихо и неуверенно она ответила:

– Спрошу у бабушки.

Котоэ хоть и училась в первом классе, но была самой старшей среди своих четверых братьев и сестёр, поэтому всегда носила кого-нибудь из младших на своей спине. Примерно с пяти лет по восточному счёту⁴ она была вынуждена взять на себя роль сиделки. Если она вернётся домой спросить разрешения, можно даже не рассчитывать на то, что ей позволят пойти. Это в равной степени касалось и Санаэ, и Мацуэ, и Коцуру. Все обречённо переглядывались друг с другом. В деревне существовало негласное правило: дети могли развлекаться и играть до десяти лет, после этого возраста им надо было работать. Но они не могли играть так, как им вздумается, поскольку, как правило, им надо было брать с собой младших братьев или сестёр. Если же брат или сестра были ещё младенцами, то их

привязывали и носили на спине. Это правило не касалось лишь Масуно и Мисако, так как у них не было ни братьев, ни сестёр.

Слова Котоэ напомнили всем об этом, но дети и не подумали так просто сдаться.

– Давайте тихонько уйдём из дома, после того как поедим, – уговаривала Коцуру остальных так, будто пути назад уже не было.

– Точно. Если мы расскажем кому-нибудь дома о том, что хотим сделать, – нас, скорее всего, не отпустят. Давайте ничего не будем говорить, – согласился Такэити, обдумав предложение. Больше никто не возражал, напротив, все были приятно взволнованы в предвкушении тайного похода.

– Давайте встретимся возле пристани после того, как улизнём, – предложил Тадаси.

Но Масуно, как их главнокомандующая, тщательно всё взвесила и предложила:

– Возле пристани находится лавка мелочей. Если старушка продавщица нас увидит, она будет ругаться, давайте лучше встретимся возле зарослей кустов.

– Хорошо. Тогда давайте пойдём к зарослям по полевой дороге.

Все в одночасье начали суетиться.

– Мы точно успеем пойти туда и вернуться? – хотела ещё раз убедиться Котоэ. Когда все разбежались по домам, девочка шла и много размышляла. Но сколько бы Котоэ ни ломала себе голову, она не могла придумать как незаметно улизнуть из дома. Может ли она отказаться? Нет, не может. Если она откажется, то наверняка с завтрашнего дня с ней больше никто не будет дружить. Быть изгоем ужасно. Даже если ей удастся незаметно уйти из дома, она не хотела, чтобы потом её отругали бабушка и мама.

«Лучше бы у меня не было младшего брата!» – подумала Котоэ.

Обычно она считала своего брата, Такэси, милым, но в этот раз она вспомнила его лицо с неприязнью, она хотела отдохнуть от него хотя бы денёк. Ноги Котоэ развернулись сами собой, и она направилась в сторону поля. Когда стали виднеться заросли, девочка побежала. Котоэ переживала из-за того, что её может кто-то заметить.

Два часа спустя, среди родителей первоклассников первой стала волноваться бабушка Котоэ.

– Она, должно быть, голодна. Почему же она задерживается? – пробормотала та про себя.

Бабушка собиралась привязать маленького Такэси внучке на спину, когда та вернётся, а затем пойти на поле на второй сбор коровьего гороха. Но Котоэ всё не возвращалась. Бабушка подумала, что бесполезно идти искать её в филиале школы, скорее всего, её уже там не будет. Она взяла с собой Такэси и верёвку, чтобы привязать малыша внучке на спину, и решила отправиться домой к лучшей подруге Котоэ – Санаэ. Бабушка была уверена, что внучка просто заигралась у подруги.

– Добрый день! Моя Котоэ не у вас? – спросила она.

Разумеется, её не было. Кроме того, Санаэ тоже ещё не вернулась домой. На обратном пути бабушка заглянула в храм Бога Кодзина. В тени кедра играли только дети, которые были или немного старше или немного младше Котоэ, её сверстников не было. Бабушка громко прокричала детям:

– Эй, вы не видели мою Котоэ?

– Не видел.

– Сегодня не видел.

– Она разве не у Санаэ? – почти хором отвечали дети.

Эти слова не обнадежили её, а заставили рассердиться ещё больше.

– И что с ней делать, в самом деле? Если увидите её, передайте, чтобы быстро возвращалась, домой!

Бабушка ловко закинула ребёнка за спину и спросила его, хотя тот ничего не понимал:

– Где же интересно пропадает твоя сестра? Когда она вернётся, надо её хорошенько отругать.

Но, вспомнив о том, что девочка ещё не обедала, бабушка начала волноваться. Когда она на кухне делала соломенные сандалии-дзори, к ней зашла жена плотника Кавамото. Она тоже выглядела взволнованной.

– Добрый день! Хорошая сегодня погода, правда? Я ищу свою Мацуэ, но, похоже, её здесь нет...

Услышав это, бабушка Котоэ оставила свою работу над сандалиями.

– Что? Мац-тян тоже пропала? Где же они ходят? Они ведь ещё и не обедали.

– Мацуэ приходила домой обедать. Когда она доела, то ушла. Выглядела Мацуэ так, будто у неё были какие-то дела. Я думала, она скоро придёт, но она так и не вернулась.

После этих слов бабушка Котоэ разволновалась ещё сильнее. Она больше не могла заниматься сандалиями. Даже после слов жены плотника о том, что она пойдёт искать детей, бабушка ещё больше разволновалась. Она ходила по дому и не могла найти себе места.

«У неё сейчас такой возраст, когда хочется играть, поэтому, наверное, нет ничего удивительного в том, что она недовольна тем, что вместо этого ей каждый день приходится нянчиться с малышом», – подумала про себя бабушка.

Из её глаз упала слеза. Перед её затуманенными от слёз глазами стоял образ бедняжки Котоэ. Спина девочки была искривлена, так как с ранних лет она была вынуждена носить брата или сестру на своей спине.

«Но где же она? И что делает? Ещё и её родители тоже сегодня что-то задерживаются».

Она вышла из дома и бросила взгляд в сторону моря. Ей казалось, что родители Котоэ, которые ушли ловить ставриду, сегодня особенно долго задерживаются.

– Кото-ян ещё не вернулась? – уже в третий раз интересовалась жена плотника. К бабушке Котоэ уже приходили старшая сестра Коцуру, младший брат Санаэ и мама Фудзико, все они спрашивали о своих сёстрах и дочерях. Вскоре стало понятно, что дети куда-то пропали. Чуть позже один из учеников, который возвращался из общей школы, сказал, что видел их возле магазина канцелярских товаров «Хатиман-до». Эта новость помогла несколько успокоиться. Вскоре по деревне поползли слухи, и каждый высказывал своё мнение:

– Я слышал, что в центральный посёлок приехал театр с гастрольями. Наверное, они пошли посмотреть представление.

– Но ведь у них нет денег. Зачем же они пошли?

– Наверняка они, раскрыв рты, рассматривают разные флажки и вывески.

– Это же дети, им всё любопытно!

Члены семей пропавших детей разговаривали друг с другом и теперь тоже немного улыбались:

– Они скоро вернуться. Голодные и с мозолями на ногах. Иначе и быть не может.

– Наверняка, когда они вернуться, будут выглядеть очень глупо.

– Даже не знаю, сердиться на них или нет.

– Но и похвалить их не за что.

Причина, по которой они так беззаботно разговаривали, была в том, что на поиски детей уже отправились старший брат Сонки, отец Ниты и отец Фудзико. Но, как это ни странно, никто из взрослых и не подумал, что причина пропажи детей может крыться в учительнице Оиси.

Тем временем трое, что пошли искать детей, уже приближались к центральному посёлку. Каждый раз, когда они встречали человека, который мог бы видеть детей, то подходили к нему и спрашивали:

– Извините, вы не видели группу детей примерно из десяти человек сегодня во второй половине дня? На вид им семь-восемь лет.

Они повторяли эту фразу бессчётное количество раз.

Вернёмся к детям.

Разумеется, первой, кто пришёл на место встречи, была Котоэ. Она спрятала свой свёрток со школьными принадлежностями и учебниками в траве и ждала остальных. Сонки и

Китидзи прибежали к месту встречи так, словно соревновались друг с другом. Следом пришли Такэити, Тадаси и другие дети. Самыми последними были Фудзико и Нита. Нита предусмотрительно набил четыре кармана своих штанов и рубашки бобами так, что они торчали. Он сказал, что взял все бобы, что были дома. Мальчик щедро поделился с ребятами. Среди всех детей его лицо было самым счастливым. Хрустя жареными бобами, дети отправились в путь.

– Учительница будет удивлена!

– Точно! Она обрадуется.

Котоз, шедшая впереди всех, оглянулась и посмотрела на остальных. Ей казалось, что, хоть они договорились идти быстро, все шло медленно. Все разговоры были только об учительнице, хотя дети понимали, что когда они её встретят, то узнают, как она себя чувствует.

– Говорят, учительница хромает.

– Интересно, её нога всё ещё болит?

– Из-за того, что нога болит, учительница и хромает, верно? – сказал Сонки, и, семеня ногами, вышел чуть вперёд.

– Смотрите, это ахиллово сухожилие. Эту толстую связку она порвала, – показал мальчик на собственной ноге. – Мне кажется, получить травму в таком месте – очень больно.

В конце концов дети начали идти быстрее. Они впервые шли по этой дороге без взрослых. С каждым поворотом горной дороги им открывался новый вид, это позволяло им не заскучать. Когда дети пересекли мыс и вышли на дорогу, которая шла вдоль залива, Иппонмацу оказалась у них за спиной. Казалось, что они идут не в ту сторону и отдаляются от цели. Из-за этого они думали, что уже заблудились, но все молчали и продолжали идти вперёд. Вскоре они увидели вдалеке группу учеников, которые возвращались из общей школы. Дети встревожено переглянулись.

– Прячьтесь, скорее прячьтесь! – голос Масуно заставил остальных одиннадцать человек так быстро бежать в заросли высокой травы, словно они были обезьянками. Трава сильно шелестела.

– Тихо! Не шевелитесь! – сказала Масуно, скривив свои тонкие губы, и посмотрела на остальных своими длинными, узкими глазами, уголки которых были слегка приподняты. Даже Такэити и Тадаси замерли и замолчали. Заросли травы издавали тихий шелест. Трава была почти в два раза выше двенадцати детей, спрятавшихся в ней. Благодаря находчивости Масуно, все дети смогли остаться незамеченными старшими учениками, проходившими мимо. Достаточно было одного лишь её взгляда, чтобы любой ученик из класса становился послушным, как котёнок.

Когда дорога с мыса закончилась, и дети наконец дошли до центрального посёлка, их разговоры стали заметно тише. На пути в Иппонмацу было несколько небольших посёлков, деревень и много поселений. Снова и снова дети проходили сквозь них. Это повторялось так долго, что Иппонмацу казалась недостижимой. Если из Мисаки посмотреть на Иппонмацу, то деревня, казалось, была так близка, что до неё можно рукой подать, но сейчас нельзя было даже заметить её очертаний. Усталость в ногах дала понять детям, что значит восемь километров, или, как говорили взрослые, два ри. Дети становились всё более и более молчаливыми. Они даже уже не узнавали людей, которые проходили мимо них. Они чувствовали себя так безнадежно, словно попали в другую страну, и это чувство тяжёлым камнем погружало их сердца в пучину отчаяния.

Никто из них и не подозревал, что если бы они повернули за угол, то Иппонмацу оказалась бы прямо у них перед глазами. Ребята уже даже не пытались спрашивать о чём-либо Ниту, он всё равно не смог бы ответить. Дети просто продолжали идти вперёд, шаг за шагом. Такэити и Мисако были первыми, у кого дзори пришли в негодность. Такэити отдал Мисако одну, которую ещё можно было носить, а сам пошёл босиком. У Китидзи и Тадаси сандалии тоже почти износились. Но никто не мог купить себе новые, так как ни у кого не

было с собой ни одной монетки. Детям с порвавшимися дзори становилось хуже и от мысли о том, что придётся идти обратно домой по длинной дороге босиком.

Внезапно Котоэ заплакала. Скорее всего, это произошло от того, что она не обедала и устала раньше всех, и больше уже не могла всё это выносить. Она сидела на корточках у обочины и громко рыдала. Плач Котоэ заставил заплакать и Мисако с Фудзико. Остальные остановились и смотрели на трёх плачущих девочек с потерянными лицами. Им и самими хотелось плакать, поэтому они не могли найти слов, чтобы подбодрить их. Сейчас детям стоило отправиться домой. Кто-то должен был сказать: «Давайте вернёмся!» Но ни у кого не хватало сил произнести даже это. И Масуно и Коцуру выглядели растерянными. Им тоже хотелось заплакать, но они сдержались. В конце концов, если бы они все заплакали, кто-нибудь пришёл бы им на помощь, но дети этого не понимали.

Небо ранней осени было ясным. Послеполуденный свет солнца падал сзади на странную группу детей, стоящих посреди белой, сухой дороги. Желание вернуться домой возникло у них само собой. Взгляд детей был направлен в ту сторону, откуда они пришли. Оттуда ехал и сигналил серебристый автобус. Чтобы пропустить его, все двенадцать детей в один миг дружно выстроились в шеренгу на траве, которая росла вдоль узкой обочины. Даже Котоэ перестала плакать и пристально следила за автобусом. Когда он уже почти проехал мимо, оставляя за собой густое облако белой пыли, в окне показалось знакомое лицо.

– Ой, ой! – не успел воскликнуть человек за окном, как автобус пронёсся мимо. Этим человеком была учительница Оиси.

– Не может быть! – радостно воскликнули дети и, не раздумывая, выпрыгнули на дорогу и побежали вслед за автобусом. Они бежали быстро, их ноги были наполнены новой, непонятно откуда взявшейся, энергией.

– Сэнсэй!

– Учительница Камешек!

Автобус остановился, чтобы дать сойти учительнице и снова продолжил свой путь. Оиси, опираясь на костыли, ждала детей. Не дожидаясь того, когда они добегут, она прокричала:

– Что вы здесь делаете?!

Дети не могли просто подбежать к учительнице и взять её за руку. Из-за переполняющих чувств и своего рода смущения некоторые дети стояли неподвижно и не подходили к ней близко.

– Мы проделали огромный путь, чтобы повидаться с вами, – первым ответил Нита. Вслед за ним заговорили и остальные:

– Мы пообещали друг другу, что ничего не скажем родителям. Эй, правда, ребята?

– Мы долго не могли увидеть Иппонмацу, и Кото-ян начала плакать.

– Сэнсэй, скажите, а до Иппонмацу ещё далеко?

– А ваша нога ещё болит?

Учительница улыбалась, и по её щекам катились слёзы. Всё было хорошо. Когда дети поняли, что и Иппонмацу, и дом учительницы Оиси находится совсем рядом, они радостно закричали.

– Но мы совсем потеряли из виду вашу деревню, поэтому переживали из-за того, что идём не туда.

– Мы уже чуть было не решили повернуть назад.

Окружив учительницу, которая шла, опираясь на костыли, они все вместе отправились к её дому. Мама Оиси была не готова принять неожиданных гостей и не знала, за что сразу взяться. Она зажгла печь и начала хлопотать, периодически выбегая из дома и возвращаясь назад. Дети находились у учительницы дома уже около часа. За это время их успели угостить лапшой кицунэ-удон, а некоторые даже получили добавку. У учительницы было очень хорошее настроение, и она предложила детям сделать фотографию на память. Она попросила жившего по соседству фотографа помочь им, и они все вместе направились к высокой одинокой сосне.

– Хотела бы я побыть с вами подольше, но уже скоро сядет солнце. Ваши родители наверняка переживают, – сказала Оиси.

К моменту, когда удалось убедить детей вернуться домой и посадить их в лодку, было уже больше четырёх часов. Осенью дни короче, поэтому солнце уже почти село и свет заката озарял деревню Мисаки. Казалось, будто ничего особенного не произошло.

«До свидания!», «Всего хорошего!» – кричали дети с лодки, прощаясь с учительницей Оиси, которая стояла на берегу и опиралась на свои костыли.

Пока трое взрослых прочёсывали посёлки и деревни в поисках детей, ребята вернулись в Мисаки с той стороны, откуда никто не ждал их появления.

– Э-э-эй!

– Мы здесь!

Взрослые в деревне Мисаки были сильно удивлены внезапным крикам, доносящимся с моря. Сперва родители начали ругать детей, но, в конце концов, громко рассмеялись. Мнение об учительнице Оиси у жителей деревни изменилось в лучшую сторону.

Спустя два дня на тележке разносчика появился необычный груз. Маленьких посылок было очень много, поэтому разносчик сложил их в пустую коробку из-под яблок и вышел из Мисаки. Он носил эту коробку на спине, пока доставлял людям посылки по пути в Иппонмацу. Колокольчик на его бедре издавал звон, отзываясь на каждый шаг разносчика, пока тот наконец не остановился у крыльца учительницы Оиси. Звон этого колокольчика означал, что вам что-то привезли. Было достаточно лишь этого звука, чтобы понять это.

– Так. Пять го риса и один сё бобов. А вот это лёгкое, наверное, сушёный анчоус. О! И ещё один сё риса и пять го бобов...

Разносчик доставал из коробки много маленьких мешочков и складывал их на крыльце. На всех посылках были написаны имена. Всё это было от жителей деревни Мисаки, которые хотели выразить учительнице Оиси свою благодарность и пожелать скорейшего выздоровления.

Комментария

Глава третья

¹ «ХИ-ХИ-ХИ-ФУ-МИ-МИ-МИ, И-И-И-МУ-И» – учитель использует традиционные японские названия нот. До – ХИ, Ре – ФУ, Ми – МИ, Фа – Ё, Соль – И, Ля – МУ, Си – НА

² Песня «Огромная скала», слова Такэки Овада, 1897 г.

³ Песня «Письмо от вороны», слова Ясо Сайдзё, 1920 г.

⁴ Восточный счёт возраста – см. примечание¹ к первой главе рассказа «Огоньки».

Глава седьмая

第七章

Перевод с японского: Илона Карпова

翻訳 イローナ・カルポワ

Взмах крыльев

羽ばたき

После школьной поездки здоровье Оиси пошатнулось. Однажды утром вскоре после начала третьего триместра, когда учительница не работала уже почти двадцать дней, на подушке она обнаружила открытку:

*Дорогая учительница,
Осведомляюсь о Вашем здоровье.*

*С нами Вас нет на утреннем приветствии.
Волнуюсь.
И когда Вас нет, не хочется учиться.
Даже Коцуру и Фудзико так говорят,
А также мальчики.
Надеюсь, Вы скоро выздоровеете
И вернётесь к нам.
Я и все из Мисаки переживаем за Вас.*

Учительница была так тронута чувствами детей из Мисаки, что даже прослезилась, но от сложившейся из первых букв фразы «до свидания» непроизвольно прыснула со смеху. Это было от Санаэ.

– Мама, посмотри, как моя ученица подобрала фразы, чтобы получилось «до свидания», – и показала матери, которая принесла завтрак, открытку.

– А у неё красивый почерк для шестиклассницы, не так ли?

– Так и есть, она лучшая в классе. Санаэ собирается пойти в педагогическую школу, но слишком тихая. Интересно, справится ли она с работой учителя? – переживала Оиси о Санаэ, ведь у нее не получается сказать то, что она думает на самом деле.

– Но ты, Хисако, до шестого класса сама мало разговаривала и была неприветлива.

А потом ни с того ни с сего стала разговорчивой.

– Неужели я такая красноречивая?

– Ведь для учителя плохо, если он будет мало говорить.

– Это да. Поэтому я и волнуюсь, сможет ли девочка по имени Ямаиси Санаэ стоять на кафедре и говорить.

– Ты забыла, какая была сама, Хисако, ты ведь даже нормально петь перед людьми не могла, разве нет? Тем не менее стала самостоятельным человеком.

– Ох, так и было. Сколько бы я не пела в детстве, сейчас люблю петь ещё больше.

– Ты была единственным ребёнком в семье, поэтому, наверное, и стеснялась. Девочка, приславшая открытку, тоже единственный ребёнок?

– Нет. В их семье примерно шесть детей, и она посерединке. Старшая сестра, говорят, работает медсестрой в больнице общества Красного креста. Сама Санаэ не говорит, что хочет стать учителем, но написала об этом в школьном сочинении. Хоть она и не может прямо ответить, но сочинения пишет откровенно. «Женщине без профессии, как моей маме, сейчас тяжело», – наверняка видит, как нелегко приходится её матери.

– Прямо как ты.

– Но я с малых лет всем чётко говорила: «Хочу стать учителем, хочу стать учителем». Но Ямаиси Санаэ ничего не говорит. Она всегда словно пытается спрятаться за спинами других и пишет как следует.

– Разные характеры бывают. Отправлять такую открытку – это не прятаться за чужими спинами.

– Это так. И это «до свидания» очень интересно.

Завтрак продвигался в увлечённой беседе об одной маленькой открытке. Даже позавтракав, Оиси глядела на неё, как в зеркало, и воспоминания о детях всплывали одно за другим. И что же всё-таки случилось с Мацуэ Кавамото?

– Одна порция темпура-удон! – громко прокричала девочка с причёской момоварэ. Запомнив только вывеску закусочной «Симая» перед причалом, учительница Оиси попробовала отправить письмо, но ответа так и не последовало. Возможно, прохаживая в школу только четыре года, девочка не знала, как написать письмо. И вручили ли ей письмо лично в руки, тоже неизвестно... Тем вечером хозяйка закусочной подошла и с подозрением посмотрела на учительницу, но, осознав всё, сменила подозрение на радушие:

– Ой, как же хорошо, что вы пришли, сэнсэй. Пожалуйста, присаживайтесь.

Она пригласила учительницу внутрь, протянула небольшой дзабутон и предложила сесть на краю татами. Но говорила только хозяйка, Мацуэ лишь стояла молча, как воды в рот набрав. Неожиданно пришли пять-шесть мальчиков школьничков и выстроились перед занавесом-норэном заведения, так что учительница Оиси не могла дольше оставаться.

– Ну, до встречи. Скоро уходит наш паром, так что...

Учительница Оиси попрощалась, но девочка не пошла её провожать. Наверное, ей не разрешили. Специально не оглядываясь, Оиси быстро пошла, и один за другим ученики начали говорить:

– Сэнсэй, кто это был, кто эта девочка?

– Сэнсэй, это её родственники владеют той закуской?

Никто не узнал Мацуэ, а детей из Мисаки среди них не было. В общей школе она показала только один день. Учительница Оиси подумала, хорошо, что она не пригласила Мацуэ выйти из закуской. Но, вспоминая о девочке, она переживала. Все её ученики родились в одном году, воспитывались в одном районе, пошли в одну школу и класс, но даже в таком тесном кругу уже была заметна большая разница в судьбах этих детей. Из-за смерти матери жизнь Мацуэ сильно изменилась, и теперь никто не может предположить, что с ней будет дальше. Санаэ и другие, кто с Мацуэ вместе окончил четвёртый класс, уже расправляли крылья для будущего, готовясь к различным обстоятельствам. Когда надо было написать сочинение о своём будущем, Санаэ написала о работе педагогом. Она не написала по-детски «учительницей», а «педагогом», это показывало, что она во всю старалась, и это не было просто какой-то абстрактной мечтой. Став шестиклассниками, у всех детей, как у ангелов, на спине появились маленькие крылышки, и они изо всех сил ими махали.

Но мечта Масуно была необычной. После того, как её сольное выступление на школьном концерте с песней «Луна над заброшенным замком¹» вызвало у публики возглас восхищения, она каждую свободную минутку пела, и с каждым днём всё лучше и лучше. Когда она начала петь, в ней выявилась особая способность – она умела петь по нотным записям. Учтивая, что девочка была деревенским ребёнком, это было поистине редкое свойство. Её мечтой стало поступление в высшее музыкальное образовательное учреждение. Для этого она собиралась пойти в женскую среднюю школу.

Из группы тех, кто собирается поступить в женскую школу, кроме Масуно была ещё Мисако. Она была не очень способной, и чтобы сдать экзамены, она с унылым лицом дополнительно занималась после уроков. Девичья голова и принцип счёта не понимала, и способности усваивать и запоминать тоже не было. При этом она сама это хорошо понимала и хотела пойти в учреждение шитья, где не было вступительного экзамена. Но её мама не соглашалась, поэтому девочка каждый день грустила. Так или иначе женщина хотела, чтобы Мисако поступила в префектурную женскую школу, и с энтузиазмом уговаривала учителей хорошо учить её дочь. Как будто из-за этого энтузиазма девочка могла стать умнее. И только Мисако оставалась безучастной:

– Как только я вижу цифры, у меня начинает болеть голова. Кто за меня будет сдавать экзамен в префектурную школу? Когда будет день экзамена, я заболела.

Она предвидела, что не сдаст экзамен по математике. Котоэ же была полной противоположностью. Хоть дома никто не следил за ней, цифры она чувствовала, как Масуно ноты, всегда получала высший балл. С остальными дисциплинами Котоэ тоже справлялась хорошо после Санаэ. Девочка легко поступила бы в женскую школу, но сказала, что уйдёт после шестого класса. Похоже, что она уже приняла решение и не сожалеет о нём. Оиси уточнила:

– В любом случае бросишь учиться дальше?

Девочка кивнула.

– Ты же любишь школу.

Девочка снова кивнула.

– Может хоть один год походишь в среднюю школу?

Она молчала, потупив взор.

- Может, мне поговорить с твоими родителями? – услышав это, Котоэ впервые заговорила.
- Но уже всё решено. Я обещала, – сказала она с грустной улыбкой.
- Что обещала? Кому?
- Маме. Если я поеду в школьную поездку, то должна буду бросить школу.
- Вот как. Это проблема. Даже если я попрошу, ты не нарушишь обещание?

Котоэ кивнула и пробормотала:

– Не нарушу, – обнажив передние зубы, она грустно улыбнулась. – В этом году моя младшая сестра Тосиэ будет учиться в общей школе. Если я продолжу ходить в среднюю школу, некому будет варить рис к ужину. Настала моя очередь быть кухаркой.

- Значит, сейчас готовит четвероклассница Тосиэ?
- Да.
- А мама, очевидно, ходит рыбачить каждый день?
- Да, практически каждый день.

Как-то Котоэ написала в школьном сочинении:

Мне очень жаль, что я родилась девочкой. Отец постоянно сожалеет, о том, что я не мальчик. Поскольку я девочка, я не могу ходить рыбачить с отцом, вместо этого с ним рыбачит мама. Вместо меня в открытом море она работает и в зимнюю стужу, и в жаркие летние дни. Когда я вырасту, я хочу быть хорошей дочерью и выполнить свой долг перед ней.

Из-за этого Оиси предположила: Котоэ считает себя виноватой в том, что родилась девочкой. Это сделало её кроткой. Уже поздно спрашивать девочку кто заставил её так думать. Котоэ приняла свою судьбу безропотно и бросает школу на шестом году.

– Но... Котоэ-сан... – Оиси хотела сказать, что это решение ошибочное, но осеклась. Затем учительница подумала: «Котоэ – ты молодец!» – но тоже промолчала. Она даже не могла выдать из себя слова сочувствия.

– Очень жаль, – похоже, это были подходящие слова – они словно утешили Котоэ и подняли её настроение. Девочка улыбнулась, слегка обнажив торчащие вперёд зубы.

– Вместо школы будет тоже что-то хорошее. Через два года, когда Тосиэ закончит шестой класс, родители отправят меня подмастерьем к портному. Там практически не платят за работу, но зато можно научиться шить кимоно. И когда мне исполнится восемнадцать, я наймусь на работу к портному в Осаке и на свою месячную зарплату куплю себе кимоно. Моя мама тоже так поступила.

– Потом станешь невестой?

Котоэ застенчиво хихикнула. Она больше не могла распоряжаться своей судьбой и собиралась повиноваться. У неё был вид женщины, полностью принимающей свою судьбу. Когда ей исполнится двадцать, ей придёт поддельная телеграмма, что мать находится при смерти, чтобы можно было вызвать её домой с места работы. А там по замыслу матери, которая притворится тяжело больной, дочь станет женой работающего крестьянина или рыбака.

С её матерью было также. Потом она родила шестерых детей. Из-за того, что пятеро детей были девочками, она переживала, словно она одна в этом виновата. Эта послушность передалась и Котоэ, она выросла нерешительной девушкой. Её мать, вслед за мужем-рыбаком, каждый день выходит в открытое море. У неё было загоревшее на солнце не женское лицо, а от солёного ветра её волосы выцвели и разлохматились. Тем не менее женщина безропотно принимала свою судьбу, словно так и должно быть – и поэтому свой жизненный путь она навязывала дочери, и та принимала его как само собой разумеющееся. У семьи Котоэ была только старинная традиция, которая гласит: «Мутная вода не из чистого озера течёт». Учительница Оиси возмущённо задавалась вопросом: «Может эта бедная семья рыбака на самом деле считала, что у них всё в порядке?» И всё же, если она заставит Котоэ

закончить старшие классы, это не изменит ход их мыслей. Оиси оставалось только с печалью вздохнуть, смотря на небо.

Когда она задумывалась, правильно ли заводить отношения с учениками, то вспоминала учителя Инагаву – составителя сборника сочинений «Колоски». Его сделали предателем, посадили в тюрьму. Иногда он передавал из заключения своим ученикам письма, написанные мелкими, как муравьи, буквами. И хоть это были обычные письма, в них не было ничего особенного, но ходили слухи, что даже их запрещали читать ученикам. Разве это нормально? В классе разрешалось общаться с детьми только через государственно одобренный учебник, такие отношения между учителем и его учениками были пустыми. Даже если школьники решат преодолеть этот барьер, нужно умело уклоняться и помнить о неожиданных ловушках. Глаза и уши окружающих стали невольно подсматривать и подслушивать чужие секреты. Но иногда Оиси была втянута в другого рода шалости. Когда она взяла больничный, чтобы некоторое время отдохнуть из-за болезни, Коцуру, которая всегда суёт нос не в свои дела, выпалила без стеснения:

– Ваша болезнь – тошнота от беременности?

Когда учительница невольно покраснела, ученики разразились восторженными криками. Оиси подумала, что они ещё совсем дети, гордо расправив плечи, ответила:

– Да, это так. Извините. Из-за того, что не могу нормально питаться, я так сильно похудела. Немного наберусь сил и приду в школу.

С этих пор учительница отсутствовала на работе. Когда стало известно о больничном, ни у кого не было такого взволнованного лица, как у Санаэ, и Оиси достала фотографии шестилетней давности. Было проявлено тринадцать копий, но их не удалось передать, и они так и лежали в конвертах в фотоальбоме. Среди невинных детских лиц Коцуру выглядела самой взрослой. Ещё тогда она была на голову выше остальных, а теперь и вовсе казалась старше других года на два. В то время как остальные носили каре или делали пробор сбоку, она одна старалась выглядеть взрослее и отрастила длинную чёлку, как китайские девушки. После того, как её подруга Масуно больше не ходила с мыса в школу, Коцуру одна страшно важничала. После окончания средней школы она планировала поступать в медицинский колледж акушерства, поэтому, видимо, развитая не по годам девушка интересовалась симптомами беременности.

Из группы девочек из деревни Мисаки только судьба Фудзико была не определена. Ходили слухи, что состояние её семьи ухудшалось. Особняк уже был заложен. После окончания начальной школы она не могла решить, что же ей делать дальше. Как и Котоэ, сама она не распоряжалась своей судьбой. Худая, на лице ни кровинки, с шелушащейся кожей Фудзико всё время втягивала руки в рукава и словно дрожала. Скрытые в тени холодные глаза с одинарным веком и постоянная молчаливость; она с трудом держалась с достоинством.

С другой стороны мальчики были полны энтузиазма.

– Я поступлю в мужскую среднюю школу! – Такэиси стоял выпрямившись, будто ему свело плечи.

– После окончания второго класса средней школы я буду рыбаком, пока не пойду в армию. Не забывайте, что я, став унтер-офицером, смогу дойти до старшины.

– Ого, унтер-офицером... – учительница Оиси специально осеклась, но никто не заметил смены её настроения. Когда Тадаси специально принёс крабов, пойманных в лунную и тёмную ночи, чтобы доказать свою правоту, Оиси и не подумала, что его мечта – это стать унтер-офицером. Но на то у него были свои причины. Его старший брат три года воинской повинности провёл в казармах в Корее и без демобилизации был отправлен на фронт для участия в Мукденском инциденте. Недавно он вернулся младшим сержантом и подбивал Тадаси.

– Мой брат сказал мне, что если хочешь стать унтер-офицером, то можно легко стать старшиной. Унтер-офицер получает месячное жалование.

Похоже, Тадаси нашёл свой карьерный путь. Тогда Такэити, не желая проигрывать, сказал погромче:

– Я буду кадетом в штабе. Я не проиграю Танко! Сразу стану подпоручиком.

Китидзи и Исокити смотрели с завистью. Они не росли в семье без проблем как Такэити и Тадаси. Неизвестно, как дома с родителями рассуждают о войне мальчики из бедной семьи, и хотя они и молчали, в конце концов их тоже заберут в армию. Этой весной, в 1933 году, Япония вышла из Лиги Наций, и чем обернётся её исключение из мировых отношений, и как это связано с тем, что учителя из школы неподалёку посадили в тюрьму, – дети были лишены свободы знать это. Они не знали этой реальности и даже не имели права знать, и военная атмосфера распространилась во все уголки деревни, где мальчики мечтают стать героями.

– Таноко-сан, Почему ты так хочешь стать военным? – спросила учительница, и тот простодушно ответил.

– Я не наследник. Тем более быть унтер-офицером намного лучше, чем рыбаком.

– Хм. А ты, Такэити-сан?

– Я – наследник, но как по мне, лучше быть военным, чем продавцом риса.

– Вот как? Понятно. Но подумай хорошенько.

Она прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего и только пристально посмотрела на мальчика. Тадаси, похоже, что-то почувствовал и спросил:

– Сэнсэй, вы не любите военных?

– Да, мне больше нравятся рыбаки и продавцы риса.

– Да-а? Но почему?

– Потому что мне жаль, когда военные умирают.

– Вы – трусишка.

– Да, я – трусишка.

Даже сейчас, вспоминая это, учительница почувствовала злость. Этот разговор передали завучу, и он сделал ей замечание:

– Оиси-сэнсэй, вы обрели репутацию красной. Вам нужно быть осторожнее.

И она подумала тогда:

– Что? С какого перепуга они решили, что я красная? Я сама многого не знаю о том, кто такие коммунисты.

Оиси лежала в постели и, думая о многих вещах, повернулась к обеденной комнате и позвала:

– Мама, на минутку.

– Да?

Раздался голос матери через двери-фусума. Она сидела у хибати, не поднимая головы.

– Подойди, мне нужен твой совет.

Послышались шаги, и фусума открылась. Оиси, глядя на руки матери с надетым напёрстком, сказала:

– Мне стало ужасно неприятно быть учителем. Думаю бросить работу в марте.

– Уволиться? Почему на этот раз?

– Уволюсь и лучше уж буду в лавке продавать дешёвые сладости. В школе каждый день – верность Императору и патриотизм...

– Да ладно!

– Мама, почему ты сделала меня учительницей, на самом деле?

– Что? Я сделала? Ты же сама решила стать учителем, разве нет? Ты же не хотела повторять мою судьбу. Мне и самой не сильно-то нравится портить зрение, занимаясь шитьём для чужих людей.

– Лучше шитьё, чем моя работа. Для учеников с первого по шестой класс я делала всё, что могла, и что в результате? Больше половины мальчиков хотят стать военными. Надоело!

– Времена изменились, не так ли? Если от того, что ты откроешь лавку сладостей, закончится война, то будет здорово.

– Для меня это слишком. Больше не могу. Я ничему у тебя не научилась, тоже вышла замуж за моряка и теперь сожалею. Сейчас всё время идут манёвры ПВО. Жена моряка постоянно как на иголках. Хоть и нет шторма, но «бабах!» – и ты вдова. Нет, спасибо. Я скажу это всё мужу и попрошу его уйти в отставку. Ещё увидишь, мама, мы вдвоём станем крестьянами. Когда наконец мой ребёнок родится, не хочу, чтобы он повторил мою ошибку. Можно я уйду из школы? – протараторила дочь. Мать выслушала с улыбкой и наконец ответила, словно маленькому ребёнку:

– Ты говоришь, будто все вокруг виноваты, кроме тебя. Ты ведь вышла замуж по любви, разве нет? Я хотела сказать, что ты повторяешь мою ошибку, но ты была так влюблена, что я отступила. Что же ты теперь такое говоришь?

– Любовь и моряк – это разные вещи. Как бы то ни было, мне надоело быть учителем.

– Ох, поступай как хочешь. Ты сейчас на взводе.

– Я не на взводе!

В школе и дома Оиси была разной. Что ни говори, эта эгоистичная речь была наполнена осознанием ценности человеческой жизни.

В конце концов она успокоилась и опять стала ходить в школу. Начался новый триместр, и её коллеги стали относиться к ней как к человеку, который скоро уходит. Были и учителя, которые сожалели, были и те, которые завидовали, но никто особо её не останавливал. Отчасти это из-за того, что учительница Оиси сильно выделялась и считалась проблемной. Но если спросить, в чём же кроется эта проблема, то никто толком и не ответит. Оиси сама, конечно же, об этом не догадывалась. Скорее всего, проблема была в том, что она слишком популярна среди учеников.

На линейке, стоя перед семьями учениками из всей школы, Оиси на некоторое время потеряла дар речи и просто смотрела на лица детей. Глаза её затуманились. Она увидела самого высокого ученика, стоящего позади шестиклассников и пристально смотревшего на неё, и узнала в нём Ниту. Глаза невольно наполнились слезами, и учительница не смогла выдать из себя заранее приготовленную прощальную речь. Как будто Нита был представителем всех учеников, Оиси поклонилась ему и ушла со сцены. Когда она спускалась, то заметила в шеренге старшеклассников Тадаси, Китидзи, Коцуру, Санаэ с мокрыми глазами, которые сосредоточенно смотрели на неё. Когда во время обеденного перерыва учительница направилась в другой корпус, где находился класс Санаэ и остальных, первой её заметила Коцуру и побежала к Оиси навстречу.

– Сэнсэй, почему вы уходите?

Коцуру непривычно было видеть заплаканной, позади неё стояла Санаэ с влажными глазами. Говорят, что Масуно, которая столько твердила, что пойдёт в женскую школу, осталась здесь и перешла в среднюю школу, но её почему-то не было видно. Коцуру объяснила, как обычно, с преувеличением:

– Мать и отец были против, чтобы Ма-тян пошла в женскую школу. Они говорят, что для дочери владельца ресторана достаточно играть на сямисэне, а от того, что в школе она научится хорошо петь, ничего не изменится. Ма-тян страшно расстроилась, ничего не ест, только плачет. Кстати говоря, сэнсэй, Мисако-сан не пошла в женскую школу, вместо этого она поступила в частное учебное учреждение. Называется оно «Частная школа Мидори». Там всего около тридцати учеников. Говорят, это учреждение шитья, которая немного лучше, чем ателье. Ей надо было с нами в средней школе оставаться. Да, сэнсэй?

Учительница невольно улыбнулась, но потом принялась укорять:

– Нельзя так говорить, Коцу-ян. Но что же случилось с Ма-тян?

– Говорит, ей стало стыдно от этого, поэтому она не ходит в школу.

– Скажите ей, что это не так плохо. Сходите с Санаэ-сан и поддержите её. Кстати, а что случилось с Фудзико-сан?

– О, сэнсэй, сядьте, а то упадёте.

Коцуру говорила громко, подняв брови и стараясь расширить свои узкие глаза:

– Она с семьёй уехала в Хёго. Когда после экзаменов были каникулы, они погрузили свои вещи на корабль и сели сами семьёй из пяти человек. Правда, их вещи состояли всего лишь из футона, кастрюль и котелков. Всего один комод с облупившимся лаком и корзинки для багажа. Никто из семьи Фудзико никогда не делал черновой работы – все переживают за них и говорят, хоть бы они не стали нищими. Хорошо было бы, если бы им не пришлось продавать своих дочерей в гейши, – Коцуру продолжала говорить. – Даже моему отцу за корабль они половину заплатили деньгами, а половину – мебелью.

Оиси похлопала её по плечу:

– Коцуру-сан, не нужно так много сплетничать. Ты ведь собираешься стать акушеркой. Такому человеку лучше много не болтать, правда? Это мои тебе прощальные слова. Стань хорошей акушеркой.

Как ожидалось, Коцуру пожала плечами и улыбнулась узкими, как молодая луна, глазами.

– Да, я поняла.

– И ты, Санаэ-сан, стань хорошей учительницей. Вот тебе-то нужно говорить побольше. Это мои тебе прощальные слова, – Оиси похлопала Санаэ по плечу, та лишь молча кивнула и улыбнулась.

– Если увидите Кото-ян, передайте от меня привет. Пусть бережёт себя и станет хорошей невестой. Это мои ей прощальные слова.

Коцуру протараторила:

– А вы, сэнсэй, будьте хорошей матерью. Это мои вам прощальные слова, – и она шутливо похлопала учительницу по плечу. Коцуру стала почти такого же роста, как и Оиси.

– Буду, спасибо, – ответила та решительным голосом и засмеялась.

Перейдя в среднюю школу, мальчики и девочки её класса стали учиться отдельно. Тадаси и других мальчиков здесь не было. Оиси не захотела идти к ним в класс, потому что не смогла бы попрощаться только с мальчиками из Мисаки без посторонних, поэтому она решила вернуться домой.

– Передайте привет Танко-сану, Сонки-сану, Киттин-куну и другим. Если захотят, пусть приходят в гости ко мне домой.

– А мы, сэнсэй? – Коцуру поймала её на слове.

– Конечно же приходите. Вы ведь и так приходили с давних пор, даже если я не приглашала. А, кстати, вот, – она достала фотографии и вручила каждому по одной. Коцуру звонко выкрикнула:

– Ух ты! – и запрыгала от радости.

На следующий день радость от того, что её отпустили из школы прошла – это место заняло душевное опустошение, словно учительница потеряла что-то ценное. Когда Оиси дремала днём, неожиданно пришли Такэити и Исокити. Она не ожидала, что девочки так быстро передадут её слова мальчикам, и, не уложив волосы, вышла.

– О, хорошо, что вы пришли. Проходите в дом.

Мальчики переглянулись – наконец Такэити сказал:

– Мы возвращаемся на следующем автобусе. Минут через десять-пятнадцать, поэтому не можем зайти.

– А, вот как. Может, сядете через один автобус?

– Не получится, нужно вернуться на мыс до темноты, – откровенно сказал Исокити. Похоже, по пути к учительнице они договорились так сказать.

– А, понятно. Тогда подождите минутку, я провожу вас, а по дороге поговорим, – она поспешила, поправляя волосы.

– Такэити-сан, когда ты идёшь в мужскую среднюю школу?

– Послезавтра.

Он вёл себя уже как ученик мужской школы, в руке он держал новую ученическую фуражку. Исокити тоже держал в правой руке непривычную для него охотничью шляпу и вежливо придерживал край полосатого кимоно в районе колена.

– Исокити-сан, тебя вчера не было в школе?

– Нет. Я больше не пойду в школу, – Исокити сразу напрягся. – Сэнсэй, спасибо, что заботились обо мне долгое время. Всего вам самого хорошего, – он согнул колени и поклонился.

– погоди, ещё рано прощаться. Сейчас пойдём вместе, – сдерживая улыбку и слёзы, Оиси пошла их проводить. До автобусной остановки было минут шесть. Учительница шла посередине. Исокити надел не по размеру большую шляпу, из-под которой виднелось его маленькое лицо.

– Сэнсэй, я завтра вечером еду в Осаку в услужение. Мой хозяин разрешил мне учиться в вечерней школе.

– Ух ты. Я и не знала. Ты внезапно решил?

– Да.

– И кем ты будешь?

– Ростовщиком.

– Ничего себе! Станешь владельцем ломбарда?

– Нет, приказчиком ломбарда. Мне сказали, что если я проработаю до того, как стану солдатом, меня сделают приказчиком.

Всё время разговора Исокити был напряжён и говорил официально. Чтобы разрядить обстановку, Оиси сказала:

– Стань хорошим приказчиком. Пиши мне иногда. Вчера я передала через Коцу-ян фотографию, чтобы ты вспоминал те времена.

Такэити и Исокити засмеялись.

– Вот прощальный подарок – открытка и марка, – она вручила Исокити упакованный подарок: альбом для марок, открытку и сложенное с ними полотенце. Такэити она поздравила с поступлением двумя тетрадками и дюжиной карандашей.

– Когда у вас будет отпуск во время Нового года или праздника Бон и вы вернётесь домой, обязательно заходите ко мне. Мне будет интересно увидеть, какими вы вырастаете. Как бы там ни было, вы мои первые и последние ученики. Давайте не терять связь.

– Хорошо, – ответил только Исокити.

– Ты тоже, Такэити-сан.

– Хорошо.

Исокити снова снял шляпу, когда увидел автобус на повороте за деревней.

– Сэнсэй, спасибо, что заботились обо мне долгое время. Всего вам самого хорошего.

Он произнёс натянуто, словно попугай, повторяющий чужие слова. Сказав это, мальчик надел шляпу. Она была слишком взрослой для него и делала его похожим на героя манги, но ему шло. Две шляпы, одна из которых была новенькой фуражкой, виднелись через заднее стекло автобуса. Мальчики махали ей руками, пока автобус не скрылся из вида. Тогда Оиси спустилась к морю и стала смотреть на тихий залив. Деревня Мисаки на вытянутом мысе стояла как обычно. Там вырастали дети и вылетали из родного гнезда.

– Спасибо, что заботились обо мне долгое время. Всего вам самого хорошего... – учительница смотрела на мыс и бормотала про себя. Фраза эта одновременно содержала и комичность, и грусть, и теплоту – такие чувства нахлынули на Оиси. В этих словах скрывался глубокий смысл.

Комментария

Глава седьмая

¹ Песня «Луна над заброшенным замком», слова Бансуй Дои, 1901 г. См. примечание² к десятой главе романа «Двенадцать пар глаз».

Глава восьмая

第八章

Перевод с японского: Евгений Пантюхов

翻訳 エヴゲーニイ・パンチュホフ

Цветы керрии

七重八重

Хоть и стояла весна, в утреннем воздухе всё ещё витал сильный, пронизывающий холод. Если находясь в тени, тело тут же начинало дрожать с ног до головы.

Несмотря на такую рань, на автобусной остановке города «К» стояли два человека, уже закончивших свои дела и ожидающих автобуса в Иппонмацу. Дедушка, выглядевший на шестьдесят два-три года, и женщина около тридцати лет.

– Бррр... Как же холодно! – невольно пробормотал он себе под нос.

– На самом же деле, – согласилась женщина, хотя никто к ней не обращался. Холод, казалось, соединял человеческие сердца, которые открывались друг другу и показывали свою душевность.

– Правда, всё время холодно.

– Да, и это не смотря на то, что уже подходит время весеннего Хигана.

Стараясь держать у груди прямоугольный свёрток, молодая женщина с теплотой посмотрела на бедный открытый школьный ранец, висевший на руке деда.

– Это для внука?

– Да.

– Я вот тоже купила для сына, – сказала женщина, взглянув на свёрток. – Услышав, что сегодня будут продавать, я утром поехала на первом же автобусе. Но таких товаров, как раньше, уже совсем не сыскать. Такого, бумажного, разве что на год хватит.

Словно вздыхая о товарах, старик покачал головой:

– Слышал, что на чёрном рынке всё что угодно есть.

Затем он захохотал. Во рту, по-видимому, не было зубов, поэтому казалось, что там была полнейшая темнота. Отвернувшись, женщина сказала:

– Сейчас всё так: что угодно на чёрном рынке есть, вплоть до школьных ранцев – это ужасно.

– Были бы деньги, а так там есть всё, что захочешь. И тебе сладкий зэнзай, и ёкан – очень много всего, целая гора.

После этих слов из беззубого рта деда чуть не полилась слюна. Вероятно, он сладкоежка. Вытирая ладонью губы, чтобы скрыть своё смущение, он отвернулся в сторону.

– Девушка, не желаешь ли подождать вон там? Только место под солнцем бесплатно, – сказав так, он быстро перешёл дорогу напротив автобусной остановки. Услышав, что он назвал её девушкой, та невольно ухмыльнулась и последовала за ним.

«Девушка...» – сказав так про себя, она подняла глаза на высокого дедушку и, улыбнувшись, спросила:

– Дедушка, а куда вы направляетесь?

– Я-то? Еду в Ивагахану.

– Понятно. Ну а я вот в Иппонмацу.

– В Иппонмацу? Там раньше жил мой хороший приятель – моряк. Только вот он уже давно умер. Оиси Какити звали. Вы, уж поди, и незнакомы-то.

Услышав это, женщина удивилась так, что чуть не подпрыгнула:

– Это... Это мой отец!

Теперь уже дедушка удивился и сказал:

– Ого, вот так редкость. Встретить сейчас дочку Какити-сана... Теперь, когда ты сказала об этом, я вижу, что вы с ним чем-то похожи.

– Вот как? Мой папа умер, когда мне было три года. Я уже и не помню его совсем, но тем не менее... Дядюшка, а когда вы дружили с ним?

Причина, по которой она назвала его дядюшкой, вместо дедушки, заключалась в том, что если бы её отец был сейчас жив, он был бы приблизительно одного возраста с ним.

Излишне говорить, что с тех пор прошло восемь лет. За время, которое Оиси провела в качестве жены моряка, мир изменился настолько, что его уже никак нельзя было сравнить с тем временем, когда она только бросила работу в школе. Начало японо-китайской войны, заключение Антикоминтерновского пакта, проведение агитации по мобилизации национального духа. Чувствовалось, что даже во сне нельзя было ничего сказать касательно политики страны. Обучали всматриваться только в войну, верить только войне, отдавать своё тело и душу только войне. А затем и следовать ей. Невозможно было существовать, не притворяясь и не пряча в себе жалобы и недовольство. При таких обстоятельствах Оиси стала матерью троих детей. Старший сын – Даикити, средний – Намики и младшенькая – Яцу. В подтверждение того, что она стала матерью, «дядюшка» называл её «девушкой». Но если хорошо присмотреться, в глубине сверкающих глаз пряталась не просто обычная «девушка».

– Дядюшка, а не выпить ли нам чаю? – сказала она, указав на чайную лавку рядом с остановкой. Хисако пыталась разузнать от него хоть что-нибудь про отца. Но старик упрямо покачал головой.

– Нет, скоро автобус придёт. Лучше здесь остаться.

Казалось, в речи дедушки тоже показался формальный тон.

– Кстати говоря, а как поживает невеста Какити-сана?

– Хорошо. Спасибо, – ответила Оиси и невольно улыбнулась, услышав, как её маму в возрасте называли невестой.

«Вернусь домой и первым делом спрошу её об этом», – подумала Хисако. Как раз в это время, сигналив, приближался автобус из деревни Иппонмацу. Чтобы показать водителю, что Оиси и дедушка желают поехать в другую сторону, они быстро отошли от указателя остановки, но автобус остановился. Стоя под свисающим краем крыши чайной лавки, Оиси случайно посмотрела на лица выходящих из автобуса людей. Ей показалось, что почти все пассажиры очень молоды. Из набитого битком автобуса выходили только юноши, по очереди они появлялись в его дверях. Неожиданно Оиси вспомнила, что сегодня в городском зале собраний проводится медицинский осмотр призывников. Думая об этом, она видела, как каждое лицо было наполнено молодостью.

– А! Учительница Камешек! – послышался такой громкий голос, что Оиси невольно подпрыгнула. Почти одновременно с ним учительница тоже громко воскликнула:

– Боже мой! Да это же Нита-сан!

Затем один за другим стали появляться и другие лица.

– Ах! Неужели вы все тут?

Вслед за Нитой стали появляться Исокити, Такэити, Тадаси, Китидзи – всё те же мальчишки из деревни Мисаки. Такэити, которому к этому времени осталось учиться в Токийском университете всего год и который стал уже совсем городским человеком, поздоровался первым:

– Сэнсэй, сколько лет, сколько зим!

Затем появился Тадаси, работающий на судостроительной верфи в Кобэ. С закалённым волевым лицом, как у рабочего, но в то же время с добродушной улыбкой, он, поклонившись, неловко чесал у себя за ухом. Словно ожидающий чего-то, Исокити вышел вперёд.

– Давно не виделись, сэнсэй.

На слегка взволнованном и бледном лице появилась взрослая, как у торговца, улыбка. Никуда не выезжающий из Мисаки и занимающийся рубкой леса в горах или рыбалкой, Китидзи по-прежнему, тихо и спокойно, словно соседский кот, стоял позади всех,

всхлипывал из-за насморка и молча поклонился. Только лишь Нита, как обычно, не стеснялся и не поздоровался. Он занимался тем, что помогал отцу на производстве мыла. Одетый в новенький кокумин-фуку Нита больше всех казался финансово независимым.

– Сэнсэй, недавно я встретил Фудзико, – с гордостью в голосе он повторил, – Слышите? Фудзико!

Но Оиси специально не обратила на это внимание и просто смотрела на окружавших её юношей. Только лишь взглянув на них, можно было увидеть, как сильно за восемь лет выросли эти маленькие мальчики.

– Значит, уже медосмотр...

Ребята совсем расплылись в глазах Оиси от набежавших слёз. Осознав, что этому нельзя долго продолжаться, она внезапно снова стала прежним учителем:

– Да, идите! Приходите как-нибудь все вместе к своему сэнсёу домой!

Оиси провожала взглядом фигуры мальчишек, которые, попрощавшись, сразу же ушли, и на неё нахлынули различные воспоминания. От того, что спустя многие годы она произнесла «сэнсэй», ей стало как-то по-новому радостно.

Обернувшись, она увидела, как бабушка, избегая пыли, ждёт своего автобуса под солнцем рядом с чайной лавкой. В том же месте, где стояла живая изгородь, росли вместе несколько кустов керрии. Тонкие ветки прогибались под тяжестью бутонов. Без труда изогнув одну из них, бабушка тихо прошептал, провожая взглядом юношей:

– Ужасное дело. Намеренно делать из улыбающихся молодых парней мишень для пуль.

– Правду говорите.

– Даже об этом я не могу громко сказать. Если скажу... – держа обеими руками ранец, он скрестил сзади руки, показывая этим жест, означавший арест, и тихим голосом добавил: – «Законы о поддержании общественной безопасности Японии¹»... Могут и в тюрьму посадить.

У него была такая помолодевшая манера говорить, что казалось, будто в его беззубом рту внезапно появились задние зубы. Женщине «Законы о поддержании общественной безопасности Японии» не были хорошо известны. Сборник сочинений «Колоски» нарушал этот закон, поэтому его автора, Инагаву-сэнсёя, посадили в тюрьму. Говорят, вскоре после того, как он вышел, его не только не восстановили в должности, но даже не обеспечили надлежащего обращения с ним. Мать Инагавы сошла с ума, защищая своего сына. Ходили слухи, что она рассказывает каждому, кого встретит, что её сын раскаивается в прошлых поступках. Насколько это правда, неизвестно, но Инагава жил, занимаясь птицеводством, и вёл далёкую от общества жизнь. Не он отдалялся от людей, а сами люди близко не подпускали его. Не выносили его настолько, словно в яйцах, которые он продавал, был яд. Одно время даже покупателей не было. Время заставляет учиться у трёх обезьян². Если закрыть руками рот, глаза и уши, то и будет всё хорошо. Но стоящий рядом с Оиси старик сказал, что надо убрать руки, чтобы глаза и уши были открыты. Почему он открывается первой встречной? Хоть она и дочка его друга.

Пока не возникло ещё больше беспокойства, она решила вскользь поменять тему:

– Кстати, дядюшка, а когда вы дружили с моим папой?

Улыбнувшись, бабушка снова показал свой беззубый рот.

– Когда же это было? Нам было по восемнадцать или девятнадцать. У нас обоих тогда были большие стремления. Говорили тогда о том, что при возможности сядем на иностранный корабль и отправимся в путешествие до Америки. Планировали даже, что когда отправимся в Сиэтл, то просто прыгнем в море и доплывём.

– Пожалуй, подобное раньше часто встречалось.

– Было, конечно. Говорили о том, что в Америке больше всего зарабатывают. По правде говоря, не любили мы тогда службу в армии. Если сейчас об этом сказать... – и снова скрестив сзади руки, улыбнулся.

– В конце концов, вы ведь так и не осуществили задуманное?

– Да. В то время людям можно было избежать воинского призыва, только если ты плаваешь на корабле. Тогда мы оба и полюбили морское плавание. Для того чтобы стать моряком, необходима была лицензия, и мы учились. Так как мы не ходили в морское училище, то нам потребовалось на это пять лет, и наконец-то мы смогли получить лицензию первой категории. Вначале Какити-сан сдал экзамен, затем и я, подумав: «К чёрту», получил лицензию в следующем году. Но... Он пропал без вести, когда его корабль потерпел крушение. Какити-сан уже не мог порадоваться за меня.

Из слов своей мамы Оиси знала отца совсем с другой стороны. Не только слёзы, но даже улыбка появлялась, когда она представляла его в ранние годы. Она чувствовала дружбу, которая исходила от рассказывающего о том, каким энергичным и приятным юношей был её отец. Впервые Оиси узнала, что он был против службы в армии. Почему её мать никогда об этом не говорила? Может, никогда не слышала? Или была как та обезьяна из примера? Оиси твёрдо решила спросить её об этом и о том, что встретила друга отца, назвавшего её «невестой». Разговор не собирался заканчиваться.

– Дядюшка, когда вы последний раз выходили в море?

– Примерно десять лет назад. Мало-помалу я стал капитаном небольшого судна. Отправив своего сына в морское училище, я думал, что и он без труда сможет управлять кораблём, но он сказал, что такая профессия ему не нравится. Я был расстроен. Он поступил в коммерческий колледж, и, окончив его, работал в филиале банка. Но его призвали, и он погиб.

– Погиб на войне?

– Да.

– Эх...

– В боях на Халхин-Голе. Вот несу внуку от сына... – сказав так, дедушка сильно встряхнул ранец. Внутри него послышался звук шуршащего картона.

И тогда у Хисако также зародилось беспокойство по поводу сына. Она собиралась сказать об этом, но промолчала и просто проглотила воздух.

Автобус был переполнен, и от этого было так тесно, что Оиси не смогла сесть рядом с дедушкой. Она заняла место прямо за ним и спокойно закрыла глаза. Оиси вспоминала спины учеников, с которыми недавно попрощалась. Словно животные, эти юноши стоят сейчас голыми перед инспектором. В последнее время солдатских могил становится всё больше и больше. Стоят деревянные, совсем новые, и молодым людям не следует обращать на них больше внимания, чем на могилы своих бабушек и дедушек. Хотя всё же это не так. Требовали больше восхищаться ими. Все обязаны гордиться тем, что они отправились на тот свет. Для чего Такэити учился в университете? Для кого Исокити собирался стать торговцем? Правильно ли то, что Тадаси в детстве желал стать унтер-офицером? Задумывается ли он, как связаны военные корабли и могилы? Сейчас время такое: между людьми нет доверия, и, даже приятно улыбаясь, нельзя показать, что у тебя внутри. Только Нита может беспечно повышать голос, но никто не скажет, что в глубине сердца у него ничего нет.

В такой маленькой деревне, как Мисаки, в этом году было пять мальчиков призывного возраста. Наверное, они все станут солдатами, и, без сомнения, их всех отправят на край света. Сколько человек благополучно вернётся?

– Пополните ресурсы ещё на одного человека, – с такими словами армия отправляет солдат на неделю отпуска. Пусть даже если ты и последуешь в деревянную могилу, ты не должен беспокоиться ни о беременной жене, ни о будущем своих детей. Неужели от мужчин и женщин требуют жить одними молитвами Будде? Мужчины идут дорогой, с которой не смогут свернуть. И что станет с женщинами? Среди семи девушек из бывшего класса учительницы Оиси лишь Мисако не испытывает трудностей. Когда она училась в учреждении для будущих невест «Мидори» в Токио, родители познакомили её с парнем, за которого она впоследствии вышла замуж. Этот парень взял фамилию жены – таково было условие семьи невесты. Вскоре у молодожёнов родился ребёнок. Но в тяжёлые времена это

было очень большой редкостью, словно одному дремать в теплице на солнышке в ветреный зимний день.

Масуно, которая так любила песни, тоже очень страдала. Она просто хотела петь и получать от этого удовольствие. Масуно пошла против воли родителей и уже в который раз сбегала из дома. Без разрешения она откликнулась на конкурс, проводимый местной газетой, и заняла там первое место. Масуно впервые ушла из дома, когда об этом написали в газете. Каждый раз её находили и приводили обратно. Но она снова убегала. Это всегда было из-за песен. Почему же девушка, которая хотела петь и у которой это так хорошо получалось, не могла заниматься этим? Говорят, когда Масуно убежала из дома в третий раз, она собирались стать гейшей. Масуно цеплялась за маму, которая силой пришла забрать её обратно, и плакала:

– Ты же говорила, что не против сямисэна!

Масуно пыталась быть хоть как-то связанной с музыкой, хоть с инструментом. Её родители особо не задумывались, хорошо это или плохо, но всё же решили, что не могут позволить, чтобы их дочь стала гейшей. Но в их ресторане на сцене всё время работали гейши с сямисэнами. Сейчас Масуно замужем за мужчиной в возрасте, которого она встретила во время одного из своих побегов. Постепенно у неё всё налаживается. Она теперь управляет рестораном вместо пожилой матери. Иногда Оиси встречала её на улице, и тогда, с теплотой вспоминая прошлое, Масуно говорила:

– Сэнсэй, я очень хотела с вами встретиться!

Тогда молодая девушка до слёз начинала радоваться и вести себя как ребёнок. Хоть ей около двадцати, в скромной одежде она совсем не выглядела на свой возраст.

Что же стало с Котоэ, которая вместо того чтобы пойти в первый класс средней школы, пошла работать горничной с целью в будущем выйти замуж? До того, как найти себе жениха, она заболела туберкулёзом и вернулась домой. Котоэ жутко похудела и совсем одна лежала в постели в чулане. С тех пор как Оиси услышала это, прошло уже много времени.

Ещё об одной девочке, которая не перешла в среднюю школу, – Фудзико, ходили неприятные сплетни. Нита, встретивший её, с уверенностью говорил, что она работает в ханамати. По его лицу было всё понятно, и Оиси намеренно не стала переспрашивать, ведь об этой девушке учительница уже давно слышала от Коцуру. Чтобы их семья смогла выжить, родители продали Фудзико торговцу людьми, словно та была одеждой или мебелью. Теперь ей приходилось работать в ханамати. Нужно ли радоваться за Фудзико, если представить, что выросшая в благородной семье девочка не знала, что такое работа, и первые представления о жизни получила, когда родители продали её. Пусть даже и работая непристойно. Но люди презирали Фудзико, говорили о ней подшучивая.

Мацуэ, которую люди уже совсем забыли, а теперь Фудзико... Почему эти девушки должны быть высмеяны? Но в глубине души Оиси всё ещё их жалела и вспоминала добрыми словами.

Иногда учительница задавалась вопросами:

– Как ты сейчас, Мац-тян? Как Фудзико-сан? Как у вас на самом деле? – так Оиси иногда звала их.

В отличие от Фудзико и Мацуэ, которые пошли неправильным путём, Коцуру и Санаэ выглядели бодрыми. Благодаря своей превосходной успеваемости Санаэ стала учителем. Она вернулась в свою родную школу, где заслужила уважение. Её глаза ещё больше засверкали. Коцуру с отличием закончила медицинский колледж по акушерству в Осаке. Сейчас Коцуру, Санаэ и Оиси стали очень близки. После того как Коцуру понаберётся опыта, она собирается вернуться на родину. Нарочно или бессознательно, она часто писала письма, на которых указывала: Оиси-Коиси-сэнсэй³. И всё-таки, как и предсказывала мама Оиси, Коцуру, повзрослев, стала немного более сдержанной, а молчаливая Санаэ – энергичной и очень способной.

По меньшей мере два раза в год учительница Оиси встречалась с ними. Чаще всего это происходило во время летнего отпуска и на Новый год. Они всегда приносили одни и те же

подарки, но каждая свой. Из Осаки Коцуру привозила ава-окоси, а Санаэ кавара-сэмбэй из города Такамацу. С годами глаза пополнившейся Коцуру стали совсем тонкими, как нити. Скорее, даже эти глаза смягчали её волевой характер. И когда она хихикала, то всем остальным тоже хотелось смеяться во весь голос. У Коцуру была одна привычка: перед тем, как поставить на стол подарок, она со смехом произносила: «Досан!» – вместо «миягэ⁴».

Однажды Коцуру сказала:

– Мне кажется, слишком скучно приносить один и тот же «досан», но когда я думаю о своём детстве, то вспоминаю, как сильно я радовалась этому «досану».

А Санаэ, которая открывала свёрток с всё тем же кавара-сэмбэем, произнесла:

– Как дурочка, всё время приношу одно и то же.

Даикити поприветствовал Коцуру, назвав её «девушкой с досаном». Тогда все целый день смеялись, пока не приходила пора расставаться. Из-за затянувшейся войны эти «досаны» было очень трудно достать. В последнее время Коцуру стала приносить вещи с работы, такие как марля, а Санаэ – тетради и карандаши для Даикити, который ещё не дорос до школы. Возвращаясь с купленным ранцем для Даикити, мало-помалу достигшего школьного возраста, неожиданно встретившиеся ученики пробудили множество различных воспоминаний.

– Остановка «Иппонмацу»! Уважаемые пассажиры...

На голос кондуктора Оиси инстинктивно вскочила и суетливо пошла по салону автобуса. Выходя, она спешно поклонилась старику. Когда Оиси опустила ногу на ступеньку, неожиданно послышался голос Даикити:

– Мамочка!

Этот трудноразличимый, пронзительный голос полностью прервал вереницу беспорядочных мыслей.

– Мамочка, я уже давно пришёл тебя встретить, – этот чистый, красивый голос, который всегда был весёлым, сегодня звучал немного печально. Мама улыбнулась сыну, а Даикити сразу же засмутился:

– Мамочка, тебя так долго не было, я уже чуть было не заплакал.

– Вот как...

– Я уже думал, что расплачусь, но услышал звук автобуса. Посмотрев, я увидел мамочку. Я помахал тебе рукой, но ты меня не заметила.

– Ясно. Прости меня. Мамочка и прада не заметила. Я совсем забыла про Иппонмацу, и чуть было не проехала.

– Хмм... А почему ты не заметила?

Оставив вопрос без ответа, она передала свёрток, как бы желая этим сказать, что ездила за ним.

– Это что? Ранец? Маленький какой-то.

– Ничего не маленький. Попробуй надеть.

Ранец оказался в самый раз. Даже немного великоват. Надев его, Даикити бросился бежать.

– Бабушка, смотри, ранец! – поспешно на ходу кричал он в сторону своего дома, будто его голос дойдёт быстрее.

От бегущей фигуры, размахивающей плечами, ненамеренно чувствовалось стремление к будущему. И если этой милой фигуре жизнь предоставляла только войну, то для чего тогда рожать детей, любить, растить их? Стрельба из снарядов, сломанные судьбы людей... Почему же нельзя жалеть, скорбеть? Поддержка общественной безопасности не защищает жизни людей, она ограничивает свободу души человека...

Фигура убегающего Даикити напомнила Оиси фигуры Такэити, Ниты, Тадаси, Китидзи и Исокити, которые ехали вместе с другими юношами в городской зал собраний на том же автобусе, – вся картина слилась в одну, и на её душе стало как-то тоскливо. Если представить, что даже маме идущего в этом году в первый класс мальчика, так горестно, то что же твориться на душе нескольких тысяч или миллионов разных матерей по всей Японии? Их

сердца выбросили на свалку как ненужный мусор. Словно одной спичкой всё превратили в пепел.

*На лошади едет солдат,
Скачет с ружьём на плече, –
Лошадь идёт цок-цок-цок,
Любимый мне сердцу солдат.*

Хорошо прислушавшись, из дома можно было услышать песню⁵, в которой совсем не чувствовался ритм. Переступив порог, Оиси увидела, как вслед за Даикити с ранцем по дому кругами маршировали Намики и Яцу. Бабушка выглядела радостно, просто наблюдая за своими внуками, но Оиси была не в настроении, поэтому, намекая, сказала:

– Ох! Все любят солдат. На самом деле. Бабушке, наверное, непонятно. Потому что своих сыновей нет. Но это тут не при чём, – а затем резким голосом произнесла:

– Даикити!

Даикити замер, открыв рот, словно у него во рту пересохло. Когда Намики и Яцу, превратившие метёлку для пыли и хагоита в ружья, носились по дому и продолжали петь, мать неожиданно обняла недоумевающего Даикити, чтобы успокоить его. Висевший на его спине ранец на ощупь был словно робот, но внезапно мальчик зашевелился от удовольствия. Даикити был старшим сыном, поэтому редко получал материнскую любовь. Этот уже почти шестилетний мальчик был полон чувством триумфа. Мама, улыбаясь, хотела сказать что-то только старшему сыну, но Намики и Яцу заметили.

– Уа! – кричали они и обхватывали маму, а она, крепче обняв детей, в ответ проплакала:

– Уа-а! Почему же... война... убивает... таких... милых... детей? Уа-а! Уа!

Раскачиваясь в такт, три голоса ровно соединились в одно «Уа-а! Уа-а!». Знали ли эти совсем незрелые дети, какие чувства таились в словах их матери?

Весной ребят призывного возраста, в соответствии с распоряжением, сразу же на месте отбирали в различные отряды войск, словно они были дайконом или овощами с сельскохозяйственной выставки. И с приближением Нового года радостными возгласами отправляли их на военную службу. Так было заведено с давних пор. Но в таком напряжённом положении на ежедневно расширяющемся фронте, где нет даже малейшего промежутка времени, молодых солдат сразу же отправляли в бой. На построенной арке пирса всё ещё висела надпись касательно проводов. Зелёные листья японского кедрового сменяли свой цвет на тёмно-коричневый. Шум провожающих людей продолжался целый год. Иногда через эту арку, молча проходя вместе с морским ветром, люди возвращались с квадратными белыми коробками, на которых было написано: «Солдат, возвратившийся с победой».

По всей Японии неисчислимое множество молодых людей проходило через такие повсюду построенные зелёные ворота. В 1941 году это было повсеместно. Из-за расширяющегося по всему Тихому океану фронта радостные возгласы только усиливались. Восьмого декабря от имени Императора Японии была объявлена война. Задолго до этих событий Ниты, Китидзи, Исокити и других поступивших в том году на военную службу уже не было в Мисаки. В день отъезда Оиси подарила прощальный подарок – напечатанные под размер открытки фотографии прежних дней. Негативы уже совсем затерялись. Кроме Такэити все уже растеряли фотографии, поэтому ребята очень обрадовались подарку.

– Берегите здоровье! – произнесла она и затем понизила голос: – Пожалуйста, не погибайте славной смертью. Уж лучше возвращайтесь живыми!

Услышав это, ребята стали теми простыми мальчиками, словно вернулись прежние времена с фотографий. Исокити даже тайком прослезился. Такэити, слегка отведя взгляд, опустил голову. Китидзи молча опустил глаза. Тадаси с печальной улыбкой кивнул головой. Нита был единственным, кто ответил:

– Всё в порядке, сэнсэй. Как победим, вернёмся.

«Вернёмся» Нита сказал так тихо, чтобы никто вокруг не услышал. В то время солдатам нельзя даже было и думать о возвращении. Но действительно ли Нита был согласен? Нита всегда был очень открытым. Никогда не говорил что-нибудь ради приличия и не использовал намёков. Он также сожалел о своей жизни, не меньше и не больше, как обычные люди жалеют свои. Оиси показалось, что кроме Ниты, никто не мог честно высказать своё мнение. Говорят, когда инспектор, ответственный за освидетельствование призывников, объявил ему:

– Первая группа⁶.

Нита тут же не задумываясь крикнул:

– Блин!

Все засмеялись. Весь день всюду ходили слухи. Говорили, что Нита даже не получил пощёчины. Слова, сказанные им в этот момент, были лишены здравого смысла. Поэтому если инспектор не расслышал, то Ните, который честно высказал своё мнение, просто повезло. Слухи дошли до Оиси, как необыкновенный и забавный случай. Жители деревни Мисаки почувствовали облегчение, поскольку Нита вместо них высказал всё, что они хотели, но по понятным причинам молчали.

Действительно ли он думает, что сможет вернуться с победой?

Так или иначе, ни через год, ни через полтора от них не пришло ни одного известия. Поражение в битве за Мидуэй погрузило жителей прибрежных деревень в безмолвную тревогу и отчаяние. Всё это заставляло матерей тайно совершать «стократный обход храма⁷». Ниту и Тадаси распределили в военно-морской флот. Оиси постоянно вспоминает улыбку Ниты ещё до начала войны. Хотя, как и было сказано, вестей о нём совсем не было.

Где же сейчас звучит этот милый сердцу громкий голос?

Когда Оиси начинает думать о своих учениках, то всякий раз также вспоминает тех молодых парней, которых она видела на автобусной остановке города «К». И также вспоминала дедушку, у которого, когда он смеялся, во рту виднелась полнейшая темнота. И растущие в весеннюю прохладу на обочине дороги бутоны керрии, просто получающие солнечный свет. Затем всё постепенно покрывается тенью. Когда-то корабль, на котором служит муж Оиси, был реконструирован в военный и отец троих детей отчалил – даже его жена теперь не знает в каком море он плавает. Матери и жёны военных в милитаристском государстве даже между собой не позволяют себе говорить о своих переживаниях. Можно ли разрушать жизни людей, потому что не ты одна страдаешь? Государство всех заставило выбросить свободу слова, не только кому-то одному. Но если бы отвергнутые голоса множества людей смогли бы вместе заговорить, то положение бы изменилось? Эх, это невозможно! Даже если один заговорит, как сказал тот беззубый старик, то сразу же посадят.

Просто получая солнечный свет, растёт в весеннюю прохладу на обочине дороги керрия. И всё-таки хотя бы цветы расцветают... А мы?

Комментария

Глава восьмая

Цветы керрии – отсылка к танка принца Канэакиры (914-987) «Много цветов керрии цветёт, но ни один не может дать плоды. Грустно».

Керрия японская – небольшой кустарник, цветущий жёлтыми цветами.

¹ Законы о поддержании общественной безопасности Японии – серия законодательных актов Японской империи, принятых с целью подавления инакомыслия в стране.

² Три обезьяны – устойчивая композиция из трёх обезьяньих фигур, закрывающих лапами глаза, уши и рот. Считается, что три обезьяны символизируют собой идею недеяния зла и отрешённости от неистинного. «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него».

³ Оиси-Коиси-сэнсэй – прозвище Оиси-сэнсэй, которое дали ей дети. Фамилия Оиси переводится как большой камень, Коиси – как камешек. В данном случае Коцуру неправильно написала имя Оиси.

⁴ Миягэ означает подарок, сувенир. Коцуру произносила это слово, используя другое (в данном случае неправильное) произношение иероглифов.

⁵ Песня «Солдат». Неизвестный автор, 1910 г.

⁶ Первая группа – рекомендуется к отбору в войска без ограничений. Таких людей сразу же отправляли на передовую линию.

⁷ Стократный обход храма – считается, что если многократно молиться, сокровенное желание может сбыться.

Глава девятая

第九章

Перевод с японского: Дмитрий Прищепенко

翻訳 ドミートリイ・プリシチエペンコ

Учительница Плакса

泣きみそ先生

Это было ранним утром 4 апреля, через год после окончания Второй мировой войны, когда и море, и небо, и земля были уже освобождены от её пламени. Из деревни Иппонмацу в деревню Мисаки отчалила лодка для перевозки грузов, на которой сидела немолодая маленькая и худенькая женщина в тёмно-синем момпэ, сделанным из ткани-икаты. Тихое море было окутано густым туманом, и Мисаки выглядела словно плавающей во сне. Наконец-то начало всходить солнце, и постепенно, будто просыпаясь, начали ясно проявляться тонкие очертания деревни.

– Ну наконец-то прояснилось!

Лодочник, выглядевший на двенадцать-тринадцать лет, всем своим небольшим телом налегая на руль, разглядывал всё ещё находящуюся вдалеке деревню Мисаки. Сидящая рядом женщина посмотрела в ту же сторону, куда был направлен горящий взгляд мальчика. Она начала разговор ласковым голосом:

– Впервые направляешься в Мисаки, Даикити? – сказала она девичьим голосом, несмотря на свой возраст.

– Да, потому что у меня не было там дел, – ответил мальчик, не оглядываясь.

– Согласна, эта деревня – такое место, где даже мама давно не бывала. С тех пор уже прошло восемнадцать лет – ого, почти два десятка! Я, должно быть, уже постарела, не так ли? – звучал голос женщины, учительницы Оиси.

Сегодня она впервые за тринадцать лет возвращается к преподаванию, и к тому же её снова отправили работать в филиал школы в Мисаки. Интересно, а эта учительница, которая раньше так быстро, словно ветер, ездила на работу на велосипеде, имеет ли до сих пор достаточно сил на нём прокатиться? Это была не единственная причина появления такого вопроса. Война отобрала у людей велосипеды, и даже сейчас, спустя полгода, их не купить. Оиси совершенно растерялась, когда её решили отправить в Мисаки. Даже те автобусы, что останавливались на полпути к Мисаки, были отменены ещё во время войны, а новые рейсы не были пущены. Восемькилометровую дорогу туда и обратно учительница Камешек преодолевала на велосипеде, но сейчас ей придётся ходить пешком. Когда она подумала, что её тело не выдержит таких нагрузок, и сказала о переезде всей семьёй в деревню Мисаки, то Даикити сразу же наотрез отказался. Он сказал, что будет возить Оиси на работу. Но лодку можно было одолжить только за большую плату.

– А что делать, если пойдёт дождь?

– Тогда я надену папин дождевик.

– А в ветреные дни? Не тяжело ли будет грести?

Мальчик задумался, что ему ответить.

–А, не волнуйся. В ветреные дни я буду ходить пешком, – этой фразой мать быстро помогла Даикити.

Люди говорят: «Завтра подует завтрашний ветер». Долгое время, проведённое в раздумьях только о сегодняшнем дне, научило не обращать внимания на такие мелочи, как дождь и ветер. Война забрала троих членов семьи учительницы из шести, поэтому оставшиеся должны выжить, несмотря ни на что. Даикити в шестом классе, а Намики в четвёртом. Последний утроем стоял на побережье и провожал мать, которая в первый день поехала на работу. Оиси подумала, что младшему сыну пора идти в школу, и оглянулась на Иппонмацу. Взглянув с открытого моря на одинокую сосну спустя долгое время, можно сказать, что она выглядит, как и прежде. Но даже в этой деревне, где с первого взгляда ничего не поменялось, конец войны привёл к большим переменам.

– Даикити, не устал? Смотри не натри мозоли на руках.

– Если появятся мозоли, то почти сразу огрубеют. Я в порядке.

– Спасибо. Но завтра выйдем немного раньше.

– Почему?

– Нехорошо, если сын учительницы каждый день будет опаздывать в школу. А я в свою очередь постараюсь раздобыть денег на велосипед.

– Нечего страшного. Меня не будут ругать, если на то есть веская причина. Я и впредь буду возить тебя на лодке.

Даикити смеялся, медленно двигаясь всем телом вместе с кормовым веслом.

– Как хорошо ты управляешься с рулём. Ты точно вырос на морском берегу. Когда же ты успел этому научиться?..

– Сам. Любой шестиклассник умеет грести.

– Ты прав. Может, мне тоже попробовать?

– Мам, да брось ты. Я сам буду тебя возить.

– Знаешь, был один такой мальчик, Мориока Тадаси, он возил меня на лодке, хотя был первоклассником. Это было так давно... Но он погиб на войне.

– Твой бывший ученик?

– Да.

Слёзы появились на глазах Оиси. В голове всплыл образ Тадаси на пристани в день их расставания пять лет назад. Если бы он ещё был жив, то уже стал бы завидным женихом. Воспоминания о былых днях захлестнули её. С тех пор она больше никогда не виделась с Тадаси. Как и с другими её погибшими учениками, она не увидится с ними ещё целую вечность. Сердце Оиси погружалось во тьму от мысли о том, сколько ещё людей после поражения в жестокой битве вновь ступят на землю родной деревни, скольких ещё из них она сможет встретить.

Последние пять лет прошли как кошмар наяву: Оиси чувствовала невыносимую боль от утраты близких, но обстоятельства сложились так, что, хоть сыновья и помогали ей, женщина была вынуждена устроиться на работу в эту отдалённую деревню. Впервые она была настолько благодарна своей профессии и тому, что вновь может работать. Оиси отправила заявление по рекомендации своей бывшей ученицы Санаэ, но при всём этом она находилась в крайней нужде – у неё даже не было выходного кимоно. Жизнь в стеснённых обстоятельствах преждевременно старит людей, и хоть ей было около сорока, она выглядела на семь-восемь лет старше. Скажи, что ей пятьдесят, никто бы не засомневался.

Принося всю свою человечность в жертву, люди жили, а затем погибали. Это были дни, когда глаза, раскрытые от удивления, невозможно было сомкнуть, а сомкнув их, люди прятали нескончаемые слёзы в уголках глаз. Постоянно присутствовало ощущение того, что за тобой кто-то гонится. Но через некоторое время люди привыкали к такому положению вещей, забывали о том, как останавливаться и оглядываться назад, их сердца полностью промывались до дыр. Чтобы дальше бороться за свою жизнь, необходимо было отбросить все чувства. Люди знали, что сегодня война закончилась, но продолжали суетиться и на следующий день: было сложно представить, что война действительно позади.

Зверства атомной бомбардировки тогда ещё казались лишь словами. Пятнадцатое августа того года, пока никто ещё не был проинформирован о настоящей катастрофе, пятиклассник

Даикити был вызван в школу для прослушивания радиосообщения¹. Вернулся он из неё опустивши голову, будто бы вся ответственность за поражение в войне лежала на его плечах.

С тех пор прошло полгода. Славная фигура, гребущая веслом перед глазами матери, наводила на размышления. Дети приспособляются к новому времени. Наверняка Даикити стеснялся того, каким он был полгода назад. Оиси помнила об этом, но ничего не говорила сыну. В тот день, чтобы поддержать приунывшего Даикити, она с улыбкой обняла его за плечи и сказала:

– Почему ты грустишь? Сейчас дети могут учиться, как им и подобает. Давай ужинать.

Во время еды дети всегда радовались, но Даикити, даже не посмотрев в сторону ужина, сказал:

– Mam, мы в войне проиграли. Ты не слышала по радио?

Его голос был очень печальный.

– Я слышала. Но я рада, что война наконец окончилась.

– Даже если мы проиграли?

– Да, люди больше не будут умирать, а выжившие смогут вернуться к нормальной жизни.

– В школе нам сказали, что если мы не можем победить, то все вместе – все сто миллионов японцев – умрём, чтобы не сдаваться в плен.

– Но этого не произошло. Разве не плохо?

– Mam, ты не плачешь из-за нашего поражения?

– Нет, не плачу.

– Mam... Ты рада такому исходу? – упрекнул её Даикити.

– Не говори глупостей! Даикити, ты о чём думаешь? Разве твой отец не погиб на войне? Он уже никогда не вернётся!

После этой фразы, яростно вылетевшей из уст матери, Даикити дрогнул и впервые посмотрел ей прямо в лицо. Но в отличие от глаз сердце мальчика всё еще не открылось чувствам Оиси. Вопрос войны был очень важен для него, поэтому он по-прежнему намеревался упрекнуть свою мать, собиравшуюся есть ужин. Даикити не знал мирных дней. Даже в ночь, когда он родился, кругом была кромешная тьма из-за манёвров ПВО. Для него, выросшего при постоянных завываниях сирены, предупреждающей о воздушном налёте, при постоянном контроле освещения и даже летом носившего по дороге в школу и обратно хлопковый капюшон для защиты головы при бомбардировках, было очень сложно понять, почему его мама настолько ненавидит войну. Для него было нормальным, что в каждом доме кто-то уходил на фронт, что в деревнях почти нет молодых людей. Студентов мобилизуют, даже девочки работают на военных заводах. Дворы храмов вычищены до единого листика: весь мусор пускали на дрова. Даикити верил, что люди всегда так жили. Из этого всего он не любил только ходить в горы за желудями и есть горький хлеб. Даже из его небольшой деревушки несколько молодых парней стали военными лётчиками.

Среди ребят ходили слухи: «Вот станешь лётчиком – сможешь вдоволь наесться зэнзаем».

Печально, что возможность вдоволь наесться зэнзаем украли сердца мальчишек из бедных семей: они решили стать лётчиками. Только лишь поэтому они уже стали героями. Нравы того времени требовали поддерживать даже тех, кто ради фронта бросал университет без ведома родителей. А если при этом он ещё был и единственным сыном в семье, то такой герой был более ценен. Среди многих добровольцев из выпускников городской средней школы было три юноши, которые без разрешения родителей отправились в военное училище. Подобные намерения превратили их в школьных героев, но в то же время разбили сердца родителей. В это время маленький Даикити, сожалея о том, что ещё слишком мал сказал:

– Как же я хочу поскорее поступить в среднюю школу...

И запел²:

Семь пуговиц с якорем да лепестками сакуры...

Детей учили и заставляли верить в то, что человеческая жизнь подобна цветам и что основная цель молодых людей – опасть с великой честью, словно лепесток сакуры. Данное учение было распространено по всей Японии и было направлено на то, чтобы все мальчики хоть немного прониклись такими мыслями. Даже статуи Ниномии Киндзиро³, читающего книгу в углу каждого школьного двора, с радостными возгласами отправляли на переплавку на завод военной техники. Колокола храмов, в течение сотен лет звеневшие по утрам и вечерам и объявлявшие о происшествиях, спустились с колоколен и отправились на войну. Возможно, нельзя было избежать изменений в характере Даикити: он печально воспринимал самоотверженность и перестал любить жизнь. Но Оиси никогда этого не одобряла.

– Даикити, послушай, мама всё-таки хочет, чтобы ты был обычным человеком, а не героем. Даже одна почётная смерть на войне для семьи уже достаточно. Смерть – это потеря будущего. После неё ничего нет. Я изо всех сил стараюсь тебя вырастить, а ты так хочешь погибнуть на войне. Ты хочешь, чтобы твоя мама каждый день своей жизни провела, оплакивая умерших?

Оиси попыталась остудить пыл своего сына, но он лишь сильнее восставал. Мальчик ответил:

– Но если я не стану героем, то и ты не станешь мамой погибшего на войне героя!

Он верил, что преданность императору поможет исполнить сыновий долг перед родителями. Но разговор так не мог продолжаться.

– Ах, да ты меня ещё и мамой героя сделать захотел. То есть тебе недостаточно того, что я жена погибшего на войне героя?

Но в глубине души Даикити было стыдно за маму, которая говорит подобные вещи. У него было прививаемое с детства чувство чести военной нации. Сын скрывал взгляды Оиси от других деревенских жителей, его немного беспокоило её поведение. Как-то раз случилось и такое: когда его отцу, который был дома на больничном, было приказано снова сесть на корабль, Даикити первым обрадовался и принялся резвиться с братом и сестрой, а его мама свела брови и пробормотала:

– Да что с этим ребёнком? Глупый, не понимает, что чувствуют другие...

Сказав это, она ткнула его пальцем в лоб. Даикити из-за этого чуть не упал и в порыве гнева набросился на мать. Но увидев, что к её глазам подступили слёзы, сразу поник. Отец рассмеялся и успокоил сына:

– Всё хорошо, Даикити. Но если вы, малыши, будете так плакать, то я точно погибну в бою. Так что, давайте, веселитесь!

Но после этих слов никто из детей не мог уже не развеселиться. Увидев это, отец приобнял всех троих и сказал:

– Дети мои, растите большими и здоровыми. И Даикити, и Намики, и Яцу, становитесь крепкими и позаботьтесь о бабушке и маме. К этому времени война, скорее всего, закончится...

– Война закончится? Почему?

– Потому, что даже таких больных, как я, снова посылают на фронт...

Но Даикити и другие дети не поняли значения этих слов. Они гордились лишь тем, что их отец отправляется на войну. Чувство стыда за то, что никто из родственников не отправился на фронт, стало причиной разрушения многих семей.

Похоронка пришла незадолго до потери Японией Сайпана⁴. Даже Даикити плакал. Мать обняла плачущего сына, который вытирал слёзы запястьями, прижав локти к груди:

– Даикити, держи себя в руках! Слушай, Даикити, держись! – сказала она, как бы поддерживая сама себя, потом тихо рассказала, как папа хотел быть дома с семьёй.

– Он знал, что уже не вернётся домой. Но вы все веселились. Как же мне было тяжело и грустно...

Но даже в тот момент Даикити не понял, почему его мама так говорит. Он хотел услышать от неё, что отец с радостью отправился в последний путь. Смерть на войне – это печально, но всё же не только он один остался без отца, и поэтому он считал это обыденным. В соседней

деревне на воротах дома в ряд висели четыре знака почёта в память обо всех четырёх сыновьях этой семьи, погибших на фронте. Даикити с ребятами смотрели на них с большим уважением. В их сердцах была даже какая-то зависть.

А теперь такой же вытянутый знак с надписью «Героическая гибель на фронте» спустя некоторое время доставили и в дом Даикити. Раскрыв конверт и положив содержимое на ладонь – знак и два маленьких гвоздя для того, чтобы прибить его к воротам, мама немного посмотрела на них, сложила обратно в конверт и вовсе убрала в выдвижной ящик хибати с глаз долой.

– Прибивать такой знак к воротам, словно талисман? Глупо!

С сердитым лицом бормоча под нос, она начала очищать рис. Крупа шлифовалась палкой в стеклянной бутылке для пива. Рис был для приготовления каши большой бабушке, и Даикити он не достался. Бабушка, которая упала на манёврах ПВО и заболела, не имела никаких перспектив выздоровления и постоянно лежала. Врач сказал, что она заболела не потому, что упала, а именно упала из-за болезни. Он был из соседней деревни, и ему было уже за восемьдесят, волосы и борода у него были полностью седые, чуть ли не белые, и он не навещал безнадежно больных. Другого врача поблизости не было, а найти хоть немного вкусную еду для больной бабушки было практически невозможно. Находясь на морском побережье, Оиси не удавалось найти даже рыбу.

– Рыба есть? А может, у вас ещё и яйцо найдётся? – даже за одного морского окуня и одно яйцо приходилось склонять голову по три-пять раз. Для семьи женщина бегала искать их одна.

Но однажды знак почёта незаметно переместился из ящика хибати на столб ворот. Его повесил туда Даикити, пока Оиси не было дома. Знак теперь был на своём месте. «Жена героя» некоторое время просто стояла и смотрела на него, на то, что она получила взамен жизни мужа. Такие знаки без стеснения висели на воротах каждого дома, и их становилось всё больше и больше. Ими, наверное, гордились только маленькие дети...

И вот наступило 15 августа. Поток новостей достиг каждой деревни, и в этой суматохе дети начали осознавать, что были не правы. Но могут ли взрослые из-за этого насмеяться над ними? В конце концов, причин смеяться над детьми у старшего поколения совсем не было.

К тем, кто постоянно рыскал по урнам в поисках еды, каждый день прибавлялись солдаты, возвращавшиеся с фронта. Знаки почёта – напоминания о невернувшихся солдатах, которые были чьими-то отцами, сыновьями, братьями и которые уже никогда не ступят на родную землю, – в миг исчезли с ворот домов, будто пропали. Все словно хотели избежать ответственности за войну.

В доме Оиси, где знак тоже исчез, Даикити неожиданно должен был принять внезапную смерть своей сестры Яцу. Это было спустя год после смерти бабушки. В течение трёх лет из их семьи уже трое ушли в иной мир. Сначала отец, невидимая фигура которого исчезла в пене океана. Затем бабушка, которая настолько была измучена болезнью, что свалилась, как высохшее дерево. И, наконец, скоропостижная смерть Яцу, которая ещё вчера была здорова, а потом, словно во сне, исчезла за одну ночь. Больше всего всех опечалила смерть девочки. У неё было острое воспаление слизистой кишечника. Не сказав маме и братьям, она наелась зелёной хурмы. Подождала бы месяц и ела спелую, но Яцу съела хурму, потому что та не вязла. Девочка ела не одна, но смерть забрала только её.

– Хоть война уже и закончилось, но именно она убила Яцу...

Когда мама сказала это, Даикити не сразу понял, но постепенно до него дошло. В последние годы на деревенских деревьях плоды каштана и хурмы не успевали созреть – никто не мог дожидаться и их съедали ещё зелёными.

Дети постоянно ходили в поле и ели цубану, итадори и жевали щавель. Даже сырой батат ели вместе с землёй. Из-за глистов у всех был бледный вид. Некоторые дети заболевали, но в деревне не было ни врача, ни хороших лекарств. Всё ушло на войну. Когда умерла бабушка, то даже монах из храма Дзэмпо был солдатом на фронте. Монах из соседней деревни был

слишком занят из-за большого количества погибших. Монах из храма Дзэмпо вернулся с фронта незадолго до конца войны и сразу же провёл поминальную службу в честь годовщины со дня смерти в их доме, но никто даже не мог и представить, что скоро ему нужно будет читать поминальную сутру ещё и по Яцу.

Перед смертью бабушка жалела о том, что в их храме Бодхи⁵ – Дзэмпо нет монаха. Маленькая Яцу о монахе и вовсе никогда не задумывалась. Его громкий и бодрый голос раздражал Даикити. По словам Оиси, после рождения Яцу папа из-за ухудшающегося состояния всё-таки решил уйти со службы, чтобы позаботиться о своём здоровье. Отец, который много лет бороздил семь морей, сказал, что теперь хочет вернуться домой, чтобы отдохнуть, и сравнил свой дом с восьмой гаванью, поэтому девочку, родившуюся в это время, назвал Яцу – восьмая гавань. Но больной отец не смог вылечиться в своём доме, а Яцу, на которую он возлагал большие надежды, тоже ушла...

Из-за нехватки материалов даже её гроб пришлось сделать из старого комода. Цветы тоже исчезли из жизни людей. Даикити вместе с Намики собрали на кладбище цветы кореопсиса и мирабилиса и положили их в гроб сестры. Раньше у них во дворе был небольшой сад с цветами, но дети помнили лишь то, что там выращивают дайкон и тыкву: последнюю даже сажали у края крыши, пуская плети виться вверх. Когда Яцу умерла, мама, плача, сорвала тыкву с края крыши. Вместе с плетью упали три-четыре маленьких плода, росших в тени листьев. Один из них, самый круглый, поместили на поднос и положили возле буддийского алтаря, но ходили слухи, что девочка умерла от дизентерии, поэтому в ночь памяти к ним никто не пришёл. У головы Яцу сидели мать и братья. Как и каждую ночь, электричество отключилось, но спустя некоторое время лампа снова загорелась. Оиси вдруг внезапно как бы очнулась, схватила золингенский⁶ нож, который лежал для ритуала⁷, и вдруг глубоко вонзила его в бок тыквы, изрядно удивив Даикити и Намики. Этот нож когда-то купил отец. Но родители всегда говорили детям, что размахивать ножом опасно. Возможно, мальчики даже бы закричали, если бы мама не смеялась. Заплаканная улыбка на её лице делала Оиси похожей на кого-то другого. Но её мягкий взгляд быстро успокоил ребят.

– Давайте сделаем что-то хорошее для Яцу. Вы, скорее всего, не знаете того, что я вам скажу, Яцу никогда об этом и не узнает. Вы, наверное, всегда думали, что тыквы, даже маленькие, растущие в тени, – это еда. В моё время это были детские игрушки. Вот смотрите: здесь будет окошко.

В боку тыквы Оиси вырезала квадрат.

– А здесь сделаем круглое окошко. Это немного сложнее. Даикити, принеси солонку, по ней вырежем. И поднос. Я достану семечки из тыквы.

Даикити и Намики смотрели на это всё с круглыми глазами. Из тыквы получился фонарик. На окошко их мама приклеила бумагу, на дно тыквы вставила гвоздь для свечи, и маленький фонарик был готов. На гвоздь поставили свечу, которую получили по талонам. Несомненно, такой фонарик порадует Яцу. Даикити, позабыв о печали, сказал:

– Мам, да у тебя по труду пятёрка!

Как только маленький гроб доделали, то сразу поставили фонарик рядом с лицом девочки. Ракушки и бумажных человечков, с которыми она играла, также положили. Грусть внезапно охватила Намики и Даикити, и они громко заплакали. Даикити вспомнил о своей верёвочной головоломке, которую так хотела Яцу, но которую он не давал. Теперь брат упрекал себя в жадности и попытался положить её в руки, сложенные на груди, но ладони девочки не приняли головоломку, и игрушка соскользнула на дно гроба. Намики тоже рыдал. Мальчик принёс лист цветной бумаги, который был спрятан от сестры, и сделал оригами: журавля, якко-сана и фусэн. С этими дарами Яцу отправилась в путешествие в иной мир.

После всего, что произошло, учительница Оиси внезапно постарела. Даже седины изрядно прибавилось. Она очень похудела и её небольшое тело стало выглядеть ещё меньше. Спина совсем согнулась, и Оиси стала похожей на бабушку. Даже маленький Даикити был поражён такими изменениями и беспокоился, чтобы с мамой ничего не произошло. В этом возрасте он наконец осознал ценность человеческой жизни.

«Позаботьтесь о маме», – всплыли в памяти слова его отца.

– Мам, я принесу дров, – сказал Даикити и вместе с Намики пошёл в горы.

– Мам, по дороге со школы я зайду за продуктами по талонам.

Посещение далёкой точки раздачи тоже стало его обязанностью. Намики старался не отставать от своего брата.

– Мам, дай я принесу воды из колодца.

Чуть не расплакавшись, она сказала:

– Так неожиданно, что вы двое стали мне помогать.

Оиси, ослабленная физически, задумалась о том, чтобы снова преподавать, и это отчасти благодаря поддержке Санаэ. Девушка и сейчас работает в родной школе – в главном корпусе общей школы в центральном посёлке.

– Оиси уже сорок лет. Даже если бы она работала у нас, то скоро бы уволилась из-за возраста, – ещё раз сказала Санаэ сомневающемуся директору. Она наконец-то смогла уговорить его взять Оиси в филиал школы в деревне Мисаки в качестве помощника учителя – временно, хотя Оиси и имела квалификацию. Её могут уволить в любой момент, если найдут замену. Санаэ сообщила об этом Оиси с большим сожалением. Но у женщины всё равно загорелись глаза.

– Если в Мисаки, то это то, что я хотела. У меня там есть неоконченные дела.

Несмотря на невыгодные условия, она улыбнулась от всей души, и воспоминания, что были забыты, переродились, словно только что раскрывшийся цветок.

«Сэнсэ-эй!.. Приезжайте ещё!»

«Приезжайте ещё, когда нога заживёт!»

«Вы обещали!»

Она представила себя на месте учительницы Гото, когда сама жалела её. Теперь Оиси и не подозревала, что коллеги жалеют её так же, как она когда-то учительницу Гото из-за возраста. Она была вдовой с двумя детьми, поэтому, как и Гото, с удовольствием отправилась туда. Но сейчас Оиси увидела сияние зелёного горного массива вокруг деревни, вымытого ночным туманом, и почувствовала себя моложе. Раньше в деревне Мисаки она была первой женщиной, одетой в западную одежду и ездившей на велосипеде. А теперь у неё седые волосы, небрежно собранные в гульку, момпэ из старого темно-синего кимоно мужа и на лодке её везёт маленький сын. Возможно, всё, что осталось от её молодости, – это сияющие глаза и девичий голос. Из-за велосипеда и модной одежды, которые тогда были только у неё, в Мисаки считали её самодовольной. Именно она ввела моду на велосипед, поэтому сейчас практически не было женщин, которые не умели бы на нём ездить. Но теперь, спустя двадцать лет, никто уже и не вспомнит о тех временах.

Постепенно, будто скользя, приближалась суша. Лодка была уже почти на пляже. Даикити неумело подталкивал её веслом к берегу. А учительницу Оиси снова толпой пришли встречать не знавшие её деревенские дети. Она тоже не знала ни одного из них в лицо. Недостаток одежды в течение долгих лет проявлялся ещё сильнее на детях из простой деревушки Мисаки. Среди детей был даже мальчик, кожа ног которого виднелась через порванные на тонкие лоскуты, словно морская капуста, штаны. Она приветливо улыбнулась им, но дети будто её боялись и под впечатлением дали ей пройти, с трудом сдерживая свой большой интерес. Их глаза смотрели на неё с любопытством точно так же, как и раньше. Увидев их взгляд, учительница Оиси приободрилась. Она почувствовала ностальгию даже от каждого камешка на берегу. Её немного укачало в лодке, голова шла кругом. Медленно идя, она услышала шёпот позади себя:

– Думаю, это она учительница.

– Тогда давай поклонимся и узнаем.

Оиси, услышав эти слова, еле сдерживала улыбку. Трое-четверо ребят быстро перегородили ей путь и резко склонили голову. Даже те дети, что ещё не ходили в школу, поприветствовали её вместе с другими. Похоже, что перед началом учебного года их этому научили родители. Учительница Оиси кивнула в ответ, и слёзы выступили на её глазах.

Прежде всего она была очень рада приветствию маленьких детей. Женщина незаметно дотронулась до уголков глаз, чтобы сдержать слёзы, и улыбнулась. Вновь посмотрев на детей, она не нашла лиц, которые сразу можно было вспомнить. Это касалось и людей, которых она встречала. На неизменной деревенской дороге было много незнакомых жителей. Но женщина не осознавала, что больше всего изменилась она сама. По трое-пятеро дети то и дело обгоняли Оиси, мельком поглядывая на учительницу, и сразу убегали. Оиси отводила от них свой взгляд, поскольку не хотела показать им свои падающие и сверкающие слёзы.

Помахав Даикити, который возвращался домой один, она прошла через школьные ворота. В обветшавшем здании восьмая часть окон была разбита и не заменена. Когда она смотрела на всё это, в один момент показалось, что её сердце захлестнуло отчаяние. Но она поставила стол и стул на прежнее место у окна, и, когда устремила свой взгляд вдаль, спина у неё сразу же выпрямилась. В этой старой школе стало появляться что-то новое: портфели, сделанные руками мам из белой жесткой ткани, похожей на холст, которую использовали для оби-син женского кимоно, а также фуросики, которые получали из двух частей, распустив старое кимоно-мэйсэн. В портфелях и фуросики были лишь старые учебники без обложек, похожие на стопку газет, но на лицах учеников читалась надежда. Надежда, которая раньше была у двенадцати детей из Мисаки. Казалось, восемнадцать лет назад было вчера, и появилась иллюзия того, что сегодня всего лишь продолжение вчерашнего дня. После скромной линейки Оиси вошла в класс и сразу почувствовала, как кровь прилила к лицу. Она старалась сделать вид, что она опытный учитель, и начала зачитывать молодым и уверенным голосом:

– Итак, сейчас я буду называть ваши имена, а вы будете откликаться, хорошо? Кавасаки Каку-сан!

– Я.

– Кабэ Ёсио-сан!

– Я!

– Ты такой бодрый. Значит, вы все можете так же чётко ответить. А ты же младший брат Кабэ Коцуру-сана?

Хоть учительница только что похвалила его, Кабэ Ёсио лишь молча покачал головой. Будто не мог ответить «да», если его не позвали по имени. Но Оиси, не переставая улыбаться, продолжила:

– Окада Бункити-сан!

Очевидно, что это был ребёнок старшего брата Исокити. Она слышала, что старший брат холодно относится к Исокити, после того, как тот ослеп на фронте и был демобилизован. Учительница решила не поднимать эту тему.

– Ямамото Кацухико-сан!

– Я!

– Мориока Горо-сан!

– Я!

Перед ней быстро всплыл образ Тадиси, но и так же быстро исчез.

– Катагири Макото-сан!

– Я!

– Вы ведь ребёнок из семьи Котоэ-сан?

Макото растерялась. Она уже и не помнила о сестре, которая умерла, когда девочка была совсем маленькой. После этого Оиси больше не спрашивала о былом. Она знала, что дочь Нисигути Мисако зовут Кацуко. Среди трёх других девочек была одна в новой красной западной одежде – Кавамото Тисато. Сгорая от нетерпения, учительница расспросила её на перерыве:

– Тисато-сан, твой папа работает плотником, верно?

Услышав это, девочка посмотрела на учительницу Оиси такими же чёрными, как у Мацуэ, глазами.

– Нет, плотник – мой дедушка.

– Вот как.

Но в классном журнале было записано, что её отец – плотник.

– А Мацуэ-сан – кто она? Твоя старшая сестра?

– Нет, моя мама. Она живёт в Осаке. Она прислала мне эту одежду.

Эти слова поразили Оиси до глубины души. Она с облегчением вздохнула, ведь в этом классе нет Ниты и Масуно, но вскоре вновь загрустила. Если бы он был здесь, то он уже всё бы рассказал про десять новых учеников, про их семьи и какие у них прозвища. Она вспомнила о Ните, Тадаси, Такэити, погибших на войне. Затем забеспокоилась об Исокити, Мацуэ, Фудзико и остальных. Десять первоклассников, которые сегодня впервые переступили школьные ворота, верят в свою учительницу так же, как в своё время ей верили её бывшие ученики. Эти десять новых лиц превратились в образ всех двенадцати учеников, которые когда-то собирались под одинокой сосной. Она взглянула в окно, сосна была на том же месте, где и раньше. Быть может, рядом с ней стоят двое мальчишек, устремивших свой взгляд на деревню Мисаки. «Сосна, а сосна, не знаешь ли ты, стоят ли мои сыновья под твоими ветвями?» – подумала Оиси. Но сосна, стоя как и прежде, ничего не ответила.

Учительница Оиси подошла к углу игровой площадки и стала приводить себя в порядок так, чтобы никто не увидел. Но она ещё не знала, что ей дали новое прозвище. Всё-таки в деревне Мисаки был свой Нита. Не было такого ребёнка, который бы не следил даже за каждым движением пальцев учительницы.

Её прозвищем стало учительница Плакса.

Комментария

Глава девятая

¹ 15 августа 1945 года по радио было передано обращение императора Хирохито к поданным Японской империи. Это был первый случай, когда император Японии напрямую обратился к народу. Он заявил о том, что Япония принимает условия Потсдамской декларации, что означало капитуляцию Японии во Второй мировой войне.

² Правильное название песни – «Песня молодого сокола» (песня курсантов – будущих военных лётчиков), слова Ясо Сайдзё, 1943 г. Во время Второй мировой войны из-за маленькой дальности полёта и удаления территории Японии от линии фронта военные самолёты возили на кораблях. Поэтому военные лётчики не только должны были уметь управлять самолётом, но также знать, как плавать на кораблях. По той же причине на пуговицах их военных форм изображались якори.

³ Ниномия Киндзиро или Сонтоку – (1787-1856) известный японский учёный, просветитель, агроном и философ. Его бронзовые статуи можно было часто встретить у школ как символ физического труда и грамотности. Традиционно он изображался как мальчик, несущий тяжёлую ношу, дрова на спине, и одновременно читающий книгу. Но во время Второй мировой войны эти школьные статуи сдавали в металлолом на военный завод для производства оружия или военной техники. Когда подобную статую снимали с подставки, в школах устраивали церемонию отправления Киндзиро на поле битвы в присутствии учителей и школьников.

⁴ Битва за Сайпан – сражение Тихоокеанской кампании во время Второй мировой войны, проходившее на острове Сайпан с 15 июня по 9 июля 1944 года.

⁵ Храм Бодхи – буддийский храм, где похоронены предки. Обычно семьи берут существующий храм в качестве семейного храма.

⁶ Нож, сделанный в немецком городе Золинген.

⁷ Нож-галисман для защиты души умершего от злых духов и демонов. Как правило, его кладут на крышку гроба или около головы покойника во время поминальной ночи.

Глава десятая

第十章

Перевод с японского: Алексей Марзалюк

翻訳 アレクセイ・マルザリ्यूク

Одним солнечным днём

ある晴れた日に

Хоть уже был и апрель, после полудня на берегу моря всё ещё было холодно. Сидящая на песке учительница Оиси, вытянув ноги, сама того не заметив, встала и отряхнула момпэ на коленях. В этот момент кто-то сзади позвал учительницу.

– Сэнсэй, что вы здесь делаете?

Это была Нисигути Мисако.

– Ой, Мисако-сан.

В ярком цветочном кимоно-мэйсэн с подкладкой и аккуратно завязанным оби, Мисако выглядела так, будто собиралась куда-то идти. После повторного приветствия, с нотками ностальгии в голосе она вдруг сказала:

– Хотела увидеться с вами и шла сейчас в филиал школы, – сказав это, она ещё раз поклонилась. – Сэнсэй, по счастливой случайности, на этот раз позаботьтесь, пожалуйста, о Кацуко.

Этими неторопливыми манерами и сдержанным поведением она была точь-в-точь как её мать двадцать лет назад. И всё же Мисако показала простоту и искренность и заговорила, вспоминая прошлое:

– Когда я услышала, что Оиси-сэнсэй снова начнёт работать в Мисаки, то заплакала от радости. Ведь это уже второе поколение: мама, а потом дочка. Это действительно редкость. Но как хорошо, что вы здоровы.

– Вашими молитвами. И всё же вы все по-разному пострадали.

Ничего на это не ответив, Мисако осмотрелась вокруг:

– Это было где-то здесь? Место, где вы поранились? – её глаза были наполнены ностальгией.

– Да, действительно. Вы хорошо об этом помните.

– Я этого не забуду. Иногда мы разговариваем с Санаэ, вспоминая те дни. После открытия филиала школы в Мисаки наш класс был необычным. Да, тогда мы ведь к вам домой пешком добрались.

Направив взгляд в сторону одинокой сосны вдаль, она с недоумением смотрела на приближающуюся лодку Даикити.

– Мисако-сан, это мой сын. Он каждый день меня встречает, – указала головой Оиси с улыбкой на лице.

– А, и правда, – сказала Мисако с ноткой удивления в голосе. – Поэтому вы и были на берегу.

Похоже, Мисако не знала, что Даикити уже на протяжении трёх дней встречал свою маму. Будто она унаследовала давнюю семейную традицию держаться в стороне от людей. И всё же ветер времени не забыл дома Мисако, преодолел высокое земляное ограждение и похитил её мужа, добавив его в число тех, кто до сих пор не вернулся с фронта. Но тем не менее стоящая перед глазами Мисако широко улыбалась, словно безобидная девушка, пришедшая из прошлого. Среди селян, которые не могли позволить себе снять с ног скромные момпэ, она одна была молодой хозяйкой богатого дома. Как она справлялась с трудностями все эти годы? Под конец войны ходили слухи, что даже склады дома Нисигути были до самого потолка забиты продукцией для армии. Правда это или нет, было неизвестно. Учительница

тоже слышала, что дом Мисако не знал бедности за счёт хранения продукции для военных, но на лице молодой хозяйки не было ничего такого, что говорило бы о сокрытии чего-либо.

Даже сейчас, смотря в ту же сторону, что и Оиси, она по-настоящему волновалась, видя, как качается лодка Даикити.

– Детям тяжело вести лодку в такой ветер, сэнсэй. Ой, осторожно!

Всё выглядело так, будто море поглощало небольшое тело Даикити вместе с веслом. То, с каким усердием он грёб, было видно по его небольшому телу и маленькой лодке, и от такого вида любой человек невольно бы напрягся. И хотя на берегу было холодно, не было никаких сомнений, что мальчик вспотел.

– Сэнсэй, вы больше не ездите на велосипеде?

Не обращая внимания на слова Мисако, Оиси, казалось, хотела притянуть к себе лодку с Даикити, окружённую волнами.

– В дождливые и ветряные дни на лодке плыть невозможно. К тому же на велосипеде гораздо быстрее, разве нет? – добавила Мисако.

– Да, это так, но, Мисако-сан, я сейчас не могу его купить. А если и куплю, то денег совсем не останется.

Не отрывая взгляда от лодки, она вспомнила, что и раньше приобрела велосипед в рассрочку. В этом ей помогла дочь владельца магазина велосипедов Томико, которая вышла замуж и после жила в Токио. Но во время войны, когда не хватало всего, даже открыток, Оиси ничего не смогла узнать о подруге. Их семья также владела магазином велосипедов в Токио, в районе Хондзё, но теперь неизвестно, чем они занимаются. «Скорее всего, во время налёта девятого марта, – подумала она, когда война уже закончилась, – их дом был уничтожен». Личная жизнь сильно изменилась, даже о других не было возможности подумать.

В городе К, в доме родителей Томико, и поныне есть магазин велосипедов, но в силу неизвестных обстоятельств владелец поменялся, и только одинокий старик бедноватого вида возится со старым грязным велосипедом. Их старший сын, бывший наследником, тоже погиб. Интересно, где все новые велосипеды? И всё же Мисако сказала крайне просто:

– Сэнсэй, если вы соберётесь покупать велосипед, я вам помогу.

Она не успела спросить, что это значит, – лодка Даикити внезапно ускорила и приблизилась к берегу. Возможно, это потому, что лодка оказалась прикрытой от ветра обрывом, и волны здесь были не таким высокими. Даикити только улыбнулся матери и повернулся в сторону. Он, как обычно, держа в руках весло, вынес на песок нос лодки и ждал, пока мать сядет в неё. Но мальчик услышал не то, чего ожидал:

– Ну же, молодой господин, я вас поддержу, поднимайтесь.

Удивлённый Даикити повернулся. На этот раз засмеялась мама:

– Даикити, может хочешь отдохнуть?

Мальчик молча покачал головой.

– Мне надо немного поговорить с этой женщиной, поэтому подожди немного.

По лицу Даикити стало понятно, что он злится, и мальчик выпрыгнул на берег. Мать ждала, пока сын возьмёт верёвку, и сказала:

– Даикити, подойди сюда.

Даже рядом с ним Оиси хотела продолжить разговор о велосипеде, но лицо Мисако выглядело так, будто она уже забыла об этом. Учительница села между ней и своим сыном, который смотрел на море, по-взрослому обняв колени. Оиси уже почему-то не хотелось говорить о велосипеде. И как же Мисако поможет ей найти новый? Но, похоже, без неприятностей не обойтись. Чтобы избавиться от гнетущей атмосферы, окружавшей их, Мисако весело заговорила:

– Недавно мы с Санаэ-сан обсуждали: не сделать ли нашему классу благодарственную встречу в честь вашего возвращения?

– Ах, большое спасибо. Но настолько ли я полезна, чтобы меня благодарить? До того как я пришла сюда, планировала быть в весёлом расположении духа, как и раньше, но пришла и всё плачу и плачу. Вспоминается только грустное...

Она это говорила и уже плакала. Оиси быстро вытерла глаза и решительно сказала, что придёт на встречу.

– Но все же, я счастлива. А сколько человек будет?

– Два парня и три девушки. Но Санаэ-сан сказала, что ещё позовут Коцуру-сан и Мац-тян.

– Мац-тян, это Кавамото Мацуэ-сан?

– Да, долгое время было неизвестно, где она, а во время войны внезапно вернулась. Она была здесь совсем недолго и снова куда-то уехала. Но Масуно-сан вроде знает, где она живёт. Мац-тян стала очень красивой, я её сразу и не узнала.

Говоря так, у Мисако появилось необычное выражение лица, а учительница Оиси сделала вид, что не заметила этого, и вспомнила позапрошлый день:

– Тисато-сан, твои папа и дедушка работают плотниками?

– Нет, только дедушка.

– А Мацуэ-сан – твоя старшая сестра?

– Нет, это моя мама. Она живёт в Осаке. Она прислала мне эту европейскую одежду.

Это была Кавамото Тисато с такими же, как у Мацуэ, блестящими чёрными глазами. Но учительница больше не собиралась спрашивать о ней у Мисако. Хотя у неё и оставались вопросы.

– А что насчёт Фудзико-сан? Вы не знаете?

Выражение лица Мисако стало ещё более выразительным, нежели при разговоре о Мацуэ.

– Насчёт неё, сэнсэй: совершенно неизвестно, куда она пропала. Судя по всему, во время войны её купил какой-то богач. Ходят слухи, что у него много денег, и его компания занималась продукцией для военных, но что сейчас...

На лице Мисако невольно появилось чувство превосходства, и, по всей видимости, из-за Мацуэ и Фудзико, которые пошли по «тёмному» пути, Оиси специально увела взгляд в сторону, опустила голову и, будто сама себе, тихонько сказала:

– Если она жива, возможно, мы ещё встретимся, а если...

Мисако тоже тихо сказала:

– Вы правы. После смерти цветы никогда не зацветут... Вы знали, что Кото-ян умерла?

Оиси молча кивнула, и Мисако продолжила:

– А про Сонки-сана?

На глазах Оиси снова выступили слёзы, когда она кивнула. Она услышала от Санаэ, что Исокити был демобилизован из армии, когда ослеп, и они вместе заплакали. Та боль всё ещё осталась где-то внутри. Санаэ приходила проведать его, он с повязкой на глазах опустил голову до колен и сказал, что лучше бы он погиб. Исокити, который хотел работать в ломбарде, но, вернувшись в бедный дом и осознав своё положение, хотел только умереть. Узнав о его чувствах, Санаэ и учительница не могли не плакать. Но сейчас Оиси переживала о нём по-другому поводу. Услышав, что в городе Исокити стал учеником массажиста, хоть это было довольно поздно для начала новой жизни, ей стало спокойнее. Интересно, как он пройдёт свой единственный жизненный путь, находясь в полном мраке? Но Мисако, словно показывая, что в её сердце есть жалость, сказала:

– Даже если он жив, это проблема, если он ослеп. Лучше бы он погиб.

Мисако совершенно не задумывалась о том, кто сделал его инвалидом. Оиси ответила, будто отступить было уже некуда:

– Мисако-сан, почему вы так говорите? Он ведь только оправился. И кроме того, он же ваш одноклассник.

Словно ученица, которую отругали, Мисако растерянно ответила:

– Но, но, Сонки-сан, когда встречается с людьми, вроде как постоянно говорит: лучше бы я погиб, лучше бы я погиб, – сказала она с красным лицом, будто открыла глаза на свою мелочность.

– И вам его не жаль? Он хочет умереть потому, что у него нет другого жизненного пути. Бедный Исокити. Вы так не думаете?

– Так и думаю. Его так жаль. Ведь он мой одноклассник. Но, в целом, в нашем классе много несчастий, сэнсэй. Из пяти мальчиков трое погибли на войне.

Даикити, сидящий рядом с мамой, ткнул пальцем её локоть, она обернулась. Позади было шесть-семь детей, стоящих неровным полукругом, не понимая, кто они. Когда учительница внезапно повернулась, они разбежались, будто птицы, и крикнули вслед:

– Учительница Плакса! Учительница Плакса!

И убежали в сторону кладбища позади на холме. Посмотрев в ту сторону, Оиси предложила:

– А не сходить ли нам на кладбище, Мисако-сан?

– Да, я захвачу воды и пойдём.

Мисако быстро поднялась и, быстренько побежав, зашла в дом на обочине дороги. Вскоре Оиси увидела её с небольшой бадьёй и указала головой в сторону кладбища.

– До того места около десяти минут, поэтому подожди. Там могилы моих учеников. Но, если хочешь, можешь пойти с нами.

Оставив немного недовольного Даикити одного, они пошли.

– Мисако-сан, а вы выросли. Хотя и были самой маленькой.

– Нет, сэнсэй, самой маленькой была Кото-ян, я была следующей... Сэнсэй, вот её могила.

От обочины дороги в двух-трёх шагах находилась могила Котоэ. Под маленьким, потемневшим из-за дождя и ветра навесом, упала, словно прилегла вздремнуть, мемориальная табличка. А в небольшой пиале, которой наверняка пользовалась Котоэ, была наполовину высохшая коричневая вода. Оиси, переполненная чувствами, прижала табличку к себе, пока наполняла чашку водой. Только это подтверждало то, что девушка существовала. Имя – Котоэ, возраст – двадцать два года. Да, есть жизни, которые вот так вот обрывались. В какой-то момент, брошенная родственниками и докторами с лекарствами в углу чулана, умерла Котоэ. «Если бы я была мальчиком, то от меня было бы больше пользы и мой отец не сожалел бы так. Я не мальчик, поэтому доставляю маме много хлопот...»

Учительница Оиси вспомнила лицо шестиклассницы Котоэ, считающей себя и маму ответственными за то, что не родилась мальчиком. А даже если бы она и родилась таковой, исполнив мечту отца, то сейчас, возможно, была в солдатской могиле. И кто же отбирает эти молодые жизни? У Оиси снова потекли слёзы.

– Идите отсюда. Не надо ходить за нами!

Услышав недовольный голос Мисако, учительница заметила наблюдающих за ними детей.

– Они точно зовут меня учительницей Плаксой.

Сказав так, Оиси рассмеялась, а когда Мисако тоже начала смеяться, она, будто торопя, протянула ей черпак.

– Сэнсэй, вот, вода.

В чаше, оставленной для покойной, горкой лежали зелёные листья бересклета. Солдатские могилы находились на вершине холма. Памятники Японо-Китайской войны 1894-1895 гг., Русско-Японской войны 1904-1905 гг. и Японо-Китайской войны 1937-1945 гг. стояли по очереди, сделанные из камня. Новые же могилы были деревянные, не покрытые лаком, и даже где-то начали гнить или упали на бок. Среди них были и могилы Ниты, Такэити и Тадаси. Они были новые, поэтому стояли ровно. Хаос, происходящий в мире, можно было увидеть здесь – даже семья забывала положить цветы перед могилами невинных молодых парней. Камелия, кем-то оставленная в вазе, высохла и поглощала полуденный свет. На четко отмеченном кладбище для военных стояли только таблички с именами. И сейчас у выживших людей не было даже сил поставить каменный памятник для упокоения усопших. Об этом говорили могилы.

Эхом эти рассказы звучали в душе Оиси. Она вспомнила о скромной деревянной могиле своего мужа. Вдвоём Оиси и Мисако собрали начавшие расти одуванчики и фиалки и,

положив их на могилы, молча ушли. Хотя она уже не плакала, дети, следующие за ними толпой, как всегда кричали:

– Учительница Плакса!

И, словно выстрелив, Оиси повернулась и ответила:

– Да-а!

Не только Мисако удивилась этому, но и дети. Они радостно закричали, Оиси засмеялась с детьми, и сказала Мисако, которая ещё ничего не знала:

– Действительно странная кличка. Теперь я – учительница Плакса.

Одним майским утром, в воздухе которого витал запах молодых листьев, учительница Оиси прошла через школьную калитку и увидела ожидающую её первоклассницу Нисигути Кацуко.

– Сэнсэй, вам письмо.

Кацуко гордо протянула его:

В этот редкий выходной день, я знаю, что Вы, сэнсэй, заняты, но, пожалуйста, приходите. Сначала мы думали посоветоваться с Вами, но рожь меняет свой цвет и её необходимо будет убрать, поэтому мы решили без Вас. В это воскресенье все должны собраться, поэтому, пожалуйста, приходите....

Это было уведомление о встрече, про которую говорила Мисако. Хотя имена Мисако и Масуно были написаны, учительница Оиси сразу узнала почерк Санаэ. Закончив читать, она обратилась к Кацуко.

– Передай маме, что я сказала да. Просто скажи «да», хорошо?

И всё же, сев на своё место, она задумалась. Причина заключалась в том, что она обещала сыновьям провести в это воскресенье день памяти Яцу. Даже планировала сделать инаридзуси.

– Ура-а! – Намики внезапно и радостно закричал всем телом, а Даикити, как старший брат, сказал рассудительно:

– Мама, мама, давай отнесём инаридзуси и на могилу Яцу. Я завтра, когда буду идти со школы, зайду на чёрный рынок города К, куплю абурагэ. Мама, мама, а сколько его нужно? Мам, мам, а бобы? Сколько стаканов? Мам, мам, а давай с сегодняшнего дня мы с Намики будем чистить рис...

В подобных ситуациях у Даикити была привычка без разбора повторять «мама, мама». Он был довольно счастлив. Но если она скажет, что собирается отложить день памяти, то он наверняка будет расстроен. Хотя это и называется днём памяти, в это время ни монаха, ни родственников не зовут. Можно сказать, таким образом она планировала развлечь своих сыновей, которые остаются дома одни, а затем идут встречать её. Учительница наконец получила зарплату и просто хотела поднять мальчикам настроение. Возможно, мысль связать это с Яцу появилась оттого, что Оиси увидела первоклашек, которые были одного возраста с её дочерью, а может оттого, что сходила с Мисако на могилы Ниты, Такэити и других.

Этим вечером она вернулась домой и заговорила с детьми:

– Произошла неудобная ситуация: послезавтра, в воскресенье, у меня появились дела. Давайте перенесём день памяти Яцу на неделю.

– Нет!

– Не хотим!

Вдвоём они наотрез отказались.

– Вот как. Вот я попала. Мои предыдущие ученики сказали, что устроят благодарственную встречу. Эту встречу проводят в честь нашего долгожданного воссоединения. Не могу же я отказаться, верно?

– Нет! Ты же обещала! – сказал, не сдерживаясь, Намики, который постоянно находился дома, но, как и ожидалось, Даикити промолчал. Но на его лице было чётко различимое недовольство.

– Действительно. Для мамы это тоже очень важно. Намики, Даикити, давайте вместе подумаем. Мне лучше не пойти и остаться дома?

После этих слов она прочитала им письмо. Они вдвоём замолчали и переглянулись, но Намики всё ещё ворчал:

– Ты же обещала. Ты нам первой пообещала. Это же принцип демократии.

Когда Намики упомянул демократию, мама засмеялась, и у неё появилась идея.

– Тогда как насчёт такого? Мы перенесём день памяти Яцу. А ещё послезавтра в этой деревне сделаем пикник. Встреча будет в ресторане Суйгэцу. В том, которым владеет моя бывшая ученица Кагава Масуно. И, пока встреча не закончится, вы можете поиграть в храме Хатиман или Каннон. Бэнто вы можете съесть на берегу. Точно, возьмите с собой удочки и порыбачьте, там это интересно. Ну как?

– Класс, да!

Намики сразу выразил одобрение, а Даикити с довольно кивнул.

В воскресенье с самого утра было облачно. Погода как раз подходила для дороги в один ри пешком, главное лишь бы не пошёл дождь. Так как встреча начиналась в час, в двенадцать они уже вышли из дома. Если раньше Оиси могла бы сесть на автобус и доехать за пятнадцать минут, то сейчас шла с детьми пешком. Это было необычно, поэтому встречающие люди спрашивали:

– Куда это вы все в сборе?

Само собой, отвечал Намики, причём шаловливо:

– Мы идём на пик.

Так он говорил вместо «пикник», но никто его не понимал. Его даже не переспрашивали. И для детей это было ещё забавнее. А когда появлялся кто-то знакомый, они тихо говорили, чтобы слышали только они втроём: «Сейчас он спросит: куда вы идёте?» Само собой, каждый раз все спрашивали:

– Куда вы идёте?

– Мы идём на пик.

Намики говорил очень быстро, и так же быстро шёл. Даикити догонял его и, сев на корточки, они смеялись. Для них это было впервые в жизни, поэтому ребята веселились. Это повторялось множество раз, пока спрашивающих не осталось. В конце концов они подошли к соседней деревне. Войдя туда и приблизившись к месту, где мальчики должны были расстаться с матерью, они стали нервничать и заговорили наперебой.

– Мама, что нам делать, если наш пикник закончится раньше?

– Тогда побросайте камни на берегу ниже ресторана Суйгэцу.

– А если деревенские дети начнут над нами издеваться?

– Хм, тогда пусть Намики будет издеваться над ними.

– А если они сильнее нас?

– Какие вы беспомощные, тогда громко плачьте.

– Нас засмеют!

– Да, засмеют. Если услышу плач, то буду хлопать со второго этажа Суйгэцу и смеяться.

– Мама, комната встречи со стороны берега?

– Скорее всего.

– Если так, тогда выглядывай иногда.

– Хорошо, хорошо, буду выглядывать и помашу рукой.

– В таком случае они будут думать, что мы дети Оиси-сэнсэй, и не будут над нами издеваться.

Услышав от Намики «Оиси-сэнсэй», она неожиданно и хитро улыбнулась.

– Хм, Оиси-сэнсэй. Кто-то вроде меня...

В деревне Мисаки её уже называли учительницей Плаксой, но об этом она решила не говорить детям. Они подошли к разветвлению дороги. Оттуда уже вдвоём дети начали подниматься на гору Хатиман. Отойдя на десять кэнов, Даикити закричал:

– Мама! А что делать, если пойдёт дождь?

– Болван. Подумайте вдвоём.

До ресторана Суйгэцу осталось не более десяти минут. И подойдя прямо к нему, оттуда, как дети, выбежали Санаэ и Мисако.

– Сэнсэй!

Как следует не поздоровавшись, её обступили с двух сторон.

– Сэнсэй, как вы думаете, кто придёт из нас? Неожиданный гость! – спросила Санаэ.

– Неожиданный гость?

– Если угадаете с первого раза, то я поверю, что это наша учительница. Не так ли, Мисако-сан?

Вдвоём с Мисако, будто шутя, они начали кивать головой.

– А, как страшно. Поверят или нет, два разных пути. Итак, ты сказала неожиданный гость, значит необычное лицо, то в таком случае, возможно два, Фудзико-сан и Мац-тян?

– Ах! Что же нам делать? – громко закричала Санаэ, как ребёнок.

– Я угадала? Они пришли вдвоём?

– Нет, одна. Угадаете? Ах, вы уже догадались. Она уже здесь.

Втроём они уже подошли к ресторану Суйгэцу. У входа стояли Коцуру и Масуно. Когда Оиси увидела Исокити в чёрных очках, её сердце вздрогнуло. Вдруг к плечу учительницы прижалась стоящая рядом с Масуно женщина в слезах, одетая в утончённое кимоно.

– Сэнсэй, это я, Мацуэ! – прежде чем она назвала себя, учительница сразу же поняла, кто это.

– И правда, какое необычное лицо. Спасибо, что пришли, Мац-тян. Спасибо, Мац-тян!

Мацуэ, всхлипывая, ответила:

– Когда я получила письмо от Масуно-сан, я подумала, что если упущу этот момент, то не смогу больше связаться с вами. Прибежала так быстро как могла, не обращая внимания на стыд и репутацию. Сэнсэй, пожалуйста, будьте снисходительны.

Мацуэ плакала, не обращая внимания на своё прошлое, но Масуно, заметив это, потянула её за воротник и сказала:

– Эй, Мац-тян, сэнсэй не только твоя. Ну же, давайте, наконец, поднимемся. Вперёд, вперёд. На второй этаж!

Это действительно был зал со стороны моря.

– Сонки-сан, добрый день.

Учительница, взяв руку Исокити, начала вместе с ним подниматься.

– А, сэнсэй, давно не виделись.

– Уже семь лет прошло.

– Действительно. Всё так обернулось.

Исокити приостановился и, опустив голову, стал подниматься по лестнице за учительницей. Облачное небо стало постепенно проясняться, а полуденное солнце блестеть на волнах. На втором этаже было ослепительно светло, а со стороны северного окна было такое подозрительное небо, что казалось, вот-вот пойдёт дождь. В комнате, составлявшей шестнадцать татами, убрали фусума, и из-за этого там гулял приятный коже небольшой ветерок.

– Ой, какой прекрасный пейзаж, давайте...

Рядом с перилами стояла Коцуру, но, повернувшись и заметив Исокити, резко замолчала, так и не закончив предложения. Будто для того, чтобы убрать свою оплошность, Масуно сказала, как всегда, напевая:

– Итак, сэнсэй здесь. Рядом с Сонки-саном. Мац-тян с этой стороны. Присаживайтесь с двух сторон от учительницы, и вдоволь говорите. Остальные садитесь, где хотите.

Хоть и казалось, будто она просто бросила эти слова, но учительница поняла, что так было необходимо.

– Сэнсэй, мы хотели собраться все вместе. Поэтому...

Мельком взглянув на Исокити, Масуно, как и ожидалось, не договорила, показав на токонома. Там, в рамке, поставленной на деревянную статуэтку в виде быка, была их фотография размером с почтовую открытку, снятая в Иппонмацу. Санаэ, хоть и по-простому, но высказала приветственное слово. Масуно снова выкрикнула, не оставив паузы:

– Итак, давайте отбросим формальности. Так, будто мы снова первоклассники. Ты согласен, Сонки?

Сидя почтительно, Исокити, улыбаясь, поглаживал колени. С самого начала Мацуэ искала повод, и, приблизившись к учительнице, словно всматриваясь в её лицо:

– Сэнсэй, спасибо, что заботитесь о Тисато. Услышав, что она учится у вас, я была по-настоящему счастлива. Я одна из тех, кто не может показываться перед учителем, но как бы ко мне ни относились, я никогда вас не забуду. Ту коробочку для бэнто я до сих пор бережно храню.

Сказав так, Мацуэ посмотрела на платок, и тогда Масуно со смешанными чувствами сказала, хлопнув её по плечу:

– Мац-тян, ты ещё не выпила, а уже начинаешь такие разговоры. Хватит. Это не то, о чём можно говорить с учительницей. Снова вернулась в прошлое!

Мацуэ стала очень серьёзной, но затем повеселела:

– Именно потому я и рассказываю о прошлом. Сэнсэй, знаете, я ведь ту коробку во время войны брала с собой в бомбоубежище. И даже дочери не хочу отдавать. Это моё сокровище. Сегодня я даже положила в неё рис и взяла с собой.

Услышав это, Китидзи, будто вспомнив что-то, достал из бокового кармана маленький тканевый мешочек.

– Вот, моя оплата, – и протянул Масуно.

– Да всё нормально, Киттин, ты же принёс рыбу.

«Похоже, на сегодняшнюю встречу каждый что-то принёс», – думая об этом, Оиси слушала рассказ Мацуэ. Что же это за коробка, которую она брала даже в бомбоубежище?

Она совершенно забыла об этой коробке с рисунком лилии.

– Мац-тян, а что это за коробка такая?

Услышав тихий голос, Мацуэ забавным голосом ответила:

– Ой, сэнсэй, вы забыли? Тогда я сейчас принесу.

Быстро спустившись по лестнице и так же быстро поднявшись назад, Мацуэ всем продемонстрировала пустую коробку для бэнто, как в детской игре «Арумай-Арумай¹».

– Ну как вам, сэнсэй подарила мне её в пятом классе. Ну как, как?

В зале поднялись одобрительные возгласы.

– Сэнсэй, я неправильно думала о вас. Даже и не знала, что больше всех вы любили Мац-тян, не знала!

На протест Масуно снова поднялся смех. Но Оиси смотрела на это со слезами.

Увидев эту коробочку, она вспомнила Мацуэ, которая так и не смогла принести в ней обед в общую школу и которая во время школьной поездки работала в небольшой закусочной на пристани и кричала: «Одна порция темпура-удон!» Девочка из тех давних воспоминаний пыталась соединиться с женщиной, которая прямо сейчас стояла перед глазами Оиси и чьи движения учительница уже не видела долгое время. Тогда Мацуэ была очень бедна и будто сама стыдилась того, что прошла через это унижение...

Когда начали приносить блюда, Мацуэ первой вскочила. Взяв в руки бутылки пива и лимонада, начала разливать по привычке. После, Масуно сказала:

– А теперь выпьем за учительницу!

Масуно сразу же опустошила свой стакан. Мацуэ налила ей ещё, а та, снова залпом выпив его, глубоко вздохнула и сказала:

– Эх, были бы здесь Нита и Танко. Тогда и говорить было бы не о чем, сэнсэй. И у Сонки, и у Танко, и у Ниты был хороший характер. Когда Такэити поступил в мужскую среднюю школу, он возгордился, но как человек он был хороший. В нашем классе все были хорошими людьми. Но мальчиков ждала ужасная судьба. А девушки испытали слишком много всего. Даже у Коцу-ян и Санаэ-сан было много трудностей. Но тяжелее всего было мне и Мацуэ, но мы не плохие. Мы много страдали, поэтому хорошо разбираемся в жизни. Мы с Ма-тян умеем то, что госпоже Нисигути Ми-сан или старым девам вроде Коцу-ян и Санаэ-сан даже не снилось! Мац-тян, давай выпьем!

Сказав так, она налила пиво в стакан Мацуэ. Его пили только двое. Коцуру с самого начала сидела рядом с Исокити и помогала есть, а Мацуэ, будто показывая, что это её место, вставала и садилась обратно, передавая еду. Китидзи, как и раньше, скромно пил и ел, а Санаэ рядом с ним внезапно сказала:

– Сэнсэй, как вы думаете, кто среди собравшихся самый бесполезный? Это школьный учитель! – и, съёжившись, рассмеялась.

– И я, – скромно сказала Мисако, и все рассмеялись. Опьяневшая Масуно приблизилась к Исокити и, взяв в руки стакан, сказала:

– Ну же, Сонки, давай ещё одну, в честь того, что ты стал массажистом.

Вдруг, Оиси заметила, что Исокити с самого начала сидел на коленях ровно и серьёзно.

– Сонки-сан, у всех плохие манеры. Расслабьтесь.

Исокити наклонил голову и приложил ладонь к шее сзади.

– Всё хорошо, сэнсэй, так даже удобнее сидеть.

Для него, стремившегося стать ростовщиком в ломбарде, было необходимо долго сидеть на коленях, и это уже вошло в привычку. А сейчас, приближаясь к третьему десятку, нужно было натренировать руки. Достигли ли сейчас уровня массажиста его твёрдые руки? Кроме того, для него нет иного пути, чтобы выжить. Обычно мастер не хочет брать такого старого ученика, но, благодаря стараниям Масуно, Исокити пошёл на работу. Она обратилась к нему, как к младшему брату.

– Так как ты вернулся слепым и ничего не видишь, всем тебя жаль и все относятся к тебе с осторожностью, Сонки. Ты не должен сдаваться! Хоть твои глаза и не видят, но живи с уверенностью, Сонки.

Пиво пролилось на колени Исокити. Он быстро допил и, вернув стакан Масуно, сказал:

– Ма-тян, не повторяй, что я слеп. Я и так это знаю. Можете не сдерживаться, говорите о чём хотите, хоть про фото, хоть про то, что я не вижу.

Внезапно все переглянулись и засмеялись. Если уж Сонки так говорит, все стали открыто передавать друг другу фотографию. Каждый по очереди отзывался о ней, а после того как фотография попала в руки Коцуру, она передала её Исокити.

– Вот, это фото из Иппонмацу!

Может, помог алкоголь, Исокити держал в руках фотографию, словно видел её. Сидящий рядом Китидзи удивился, будто заметил что-то новое.

– Ну как, видишь хоть немного, Сонки?

Исокити засмеялся.

– У меня нет глаз, Киттин. И всё же я вижу эту фотографию. Вот смотри, посередине фотографии сэнсэй. Перед ней я, Такэити и Нита. Справа от учительницы Ма-тян, а это Фудзико. Мац-тян сложила руки, выставив левый мизинец. Ещё...

Для подтверждения своих слов он водил пальцем по фотографии, показывая на одноклассников, но всё же были места, где он ошибался. Китидзи не поддакивал своему другу. Вместо него ответила учительница:

– Да, точно, правильно.

Пока Оиси говорила радостным голосом, на её щеке появилась полоса от слезы. Все молча слушали, но Санаэ внезапно встала. А подвыпившая Масуно, опираясь на перила веранды, начала петь:

*Весной в высоком замке собрались самураи,
Любовались цветами и выпивали сакэ.
На поверхности сакэ лунный свет отражался,
Сквозь ветви древней сосны проходя.
Куда же ушли те времена?*

Словно вслушиваясь в собственный красивый голос, Масуно пела, закрыв глаза. В шестом классе она последней выступала соло на школьном концерте. За этот номер Масуно очень хвалили. Вдруг Санаэ обхватила её со спины и заплакала.

Комментария
Глава десятая

¹ Игра «Арумай-Арумай» – детская игра, похожая на игру «Ку-Ку».

² Песня «Луна над брошенным замком», слова Бансуй Дои, 1901 г.

Луна над брошенным замком

Весной в высоком замке собрались самураи,
Любовались цветами и выпивали сакэ.
На поверхности сакэ лунный свет отражался,
Сквозь ветви древней сосны проходя.
Куда же ушли те времена?

Осенью над лагерем, устанным инеем,
Громко крича стая гусей пролетала.
А павших воинов мечи лунный свет отражали.
Куда же ушли те времена?

Над брошенным замком сияет луна.
Лишь свет её неизменен с тех пор.
На стенах плещ, а в живых никого.
И буря песню поёт сосне одинокой.

В небесах неустанно светит луна.
Процветание и упадок друг друга сменяют,
Лишь за этим безучастно наблюдает она –
Ах, луна над брошенным замком!

Перевод с японского: Алексей Марзалюк

「荒城の月」歌詞翻訳 アレクセイ・マルザリューク

Комментария
Двенадцать пар глаз

Автор точно не указал название деревни, где живут двенадцать учеников, но для удобства читателей и переводчиков редактор решил называть эту деревню «Мисаки» от слова «мыс» на японском языке. А также родную деревню Оиси – «Иппонмацу», то есть «одинокая сосна».

В начале двадцатого века в Японии существовало два типа начальной школы. В одной из них, как в современной японской начальной школе, обучение длилось 6 лет и образование являлось обязательным и бесплатным. В тексте романа «Двенадцать пар глаз» на русский язык такая школа была переведена как «начальная школа».

В другом типе школы учились всего восемь лет: шестилетнее начальное образование являлось обязательным и бесплатным, а два класса дополнительными, как в современной японской средней школе. Поэтому эти два дополнительных класса на русский язык были переведены как «средняя школа». Но в отличие от современной средней школы эти два класса были платными и обучение являлось необязательным.

Школа, в которой начальная и средняя школы находились в одном месте, была переведена как «общая школа».

В отдалённой от общей или начальной школ местности с депопуляцией, где мало детей, открывался филиал для удобства юных школьников. В филиале учились с первого по четвёртый класс.

Кроме общей школы существовали мужская и женская средние школы. Туда поступали после вступительных экзаменов. Подобное образование было необязательным и платным, обучение длилось 5 лет. С дипломом выпускник мог сдавать вступительный экзамен в высшее учебное заведение.

С. Цубои. Двенадцать пар глаз, Сэндай, 2021, с. 124 - 178, с. 228 - 305.

壺井栄口シア語訳作品集「二十四の瞳」(2021年度発行)から転載。

当サイトからの転載、複製、改変等は禁止します。

Все права защищены.

© Vasilina Medziulianava, © Katsiaryna Shoda, © Yauhen Blatun, © Ilona Karpova, © Yevgeniy Pantyuhov, © Dzmitry Pryshchepenka, © Aliaksei Marzalioc.